

С.Б. Сорочан
Харьков

Об *opus spicatum* и населении раннесредневековой Таврики

Исследователи достаточно уверенно выделяют так называемый южный или крымский вариант салтово-маяцкой культуры [Плетнева 1967, 8; Плетнева 1976, 43, 45, 76; Баранов 1977; Рудаков 1979, 105-111 и т.д.], который еще недавно называли термином "северопричерноморская культура" [Бабенчиков 1958, 144; Якобсон 1973, 30]. В качестве его существенной отличительной особенностью — особенности строительства именно хазар, тюрок, праболгар, салтовцев в Крыму и на Тамани — обязательно выдвигают тип строительной кладки исключительно "хазарских слоев" (второй половины VII - первой половины X вв.), при котором камни располагали друг под другом, ребром, под острым углом, отчего она напоминала по виду "елочку", "колосок" или "рыбью кость", а в качестве связующего "раствора" служила земля, суглинок или глина [Плетнева 1976, 45; Атавин 1992, 174; Плетнева 1999, 153, 157, 159, 165; Майко 2001, 104; Моця 2004, 273]. "Прием этот, — пишет С.А. Плетнева, — во всем Причерноморье характерен для начала хазарской эпохи", появился в Крыму "одновременно с вторжением хазар" и "начиная с VIII в. широко распространился по всему европейскому юго-востоку" [Плетнева 1986, 46, 55; Плетнева 2003, 31, 88]. О причине появления такой техники кладки, особенно характерной якобы для хазарского строительства, обычно умалчивают. В лучшем случае в ней, как и в "бесфундаментности" построек, видят антисейсмичный прием или невразумительно связывают ее распространение на крымских памятниках с неким "отсутствием навыков перевязывать углы", который, дескать, выработался у местного населения позже, во второй половине IX в. [Баранов 1986, 246; Баранов 1990, 47 - 48; Фрумкина 1992, 60 - 66; Плетнева 1999, 143; Майко 2000, 289]. Между тем подобная технология фигурирует как *opus spicatum* среди прочих, вполне античных по облику, нерядовых, иррегулярных систем кладок из рваного камня, реже — блоков [ср.: Murus. Teichos 1904, 2048 (подобная кладка наблюдается уже в древнегреческой Трое); Вачева 1979, 7; Крыжицкий 1981, 35 - 41], встречается не только в "хазарских слоях", а гораздо раньше и позже. Поэтому закономерно встает принципиально важный, в том числе в плане методики, вопрос, насколько правомерно видеть в ней некий культурный и, даже более того, этнический "маркер", во всех случаях безошибочно указывающий на присутствие и деятельность в Крыму и на тесно связанном с ним Таманском полуострове тюркютов — праболгар, хазар или салтовцев [ср.: Айбабин 1998, 115; Айбабин 1999, 5; Айбабин 1999 а, 189]. Решение этой практически не разработанной задачи позволило бы лучше представить ситуацию с

населением раннесредневековой Таврики и степень влияния на него местных и приносных элементов.

И так повелось утверждать, причем на весьма авторитетном уровне, что прием кладки "в елку" был неведом на территории Крымского полуострова до тех пор, пока его не принесли с собой хазары из Приморского Дагестана, исконных земель каганата [Плетнева 1967, 63; Магомедов 1983, 150, рис. 58; Плетнева 1991, 104; Флеров 1996, 32; Айбабин 2002, 9; Крым 2003, 58]. С помощью такой "характерной кавказской кладки" возводили якобы особый тип жилищ – наземные постройки на каменных цоколях или полностью с каменными стенами, которые были распространены "исключительно в Приазовье", что, впрочем, не мешало им являться "одним из основных отличительных признаков приазовского и крымского вариантов" салтово-маяцкой культуры [Плетнева 1967, 51 - 70; Степи Евразии 1981, 68 - 69, рис. 43, 15, 17; Комар 2004, 173]. В частности, к последней относят слои VIII - IX вв. в ряде приморских, давно основанных греками городов Таманского полуострова, пражде всего, Фанагории – "столицы" древнего Острова и расположенной неподалеку от нее Гермонассы (кастроны Таматарха).

Портовая Гермонасса, находившаяся примерно в 60 км от Боспора, действительно, изменила свое название, но сохранила значение крупного перевалочного пункта, античный план и улицы, мощеные слоями керамики, и необъяснимо, почему это обстоятельство надо связывать с появлением хазар, нвкими хазарскими традициями во второй половине VII в. [ср.: Плетнева 2002, 111]¹. Жители города, сохранявшего континуитет со своим античным прошлым, пользовались ранневизантийскими краснолаковыми мисками со штампами в виде крестов и животных, связанных с христианской символикой, имели соответствующие культовые сооружения, отстроенные в конце V - VI вв., судя по находке в окрестностях феодосианской мраморной капители и части известнякового рельефа с изображением ангела, держащего плат [Коровина 2001, 21 - 32; Крым 2003, 158]. Насыщенность культурного слоя многочисленными пересекающимися друг с другом кладками – остатками зданий говорит о том, что город был густо заселен, его жители обновляли, надстраивали старые дома и по греко-ромейской традиции мостили примерно каждые 20 лет улицы битой керамикой [Плетнева 1986, С. 54]. Стены здешних двухкамерных домов – пятистенки размером в среднем около 18 - 20 м² сооружались на каменных цоколях, которые поддерживали стены из самана, или были полностью каменные. В последнем случае углы построек в соответствии с греческой, ромейской традицией обычно были перевязаны и выложены из хорошо обработанных блоков. Рваный же и тесаный камень строители укладывали нередко в системе *opus spicatum*, которая особенно распространилась на Тамани с VIII в. [Плетнева 1967, 51-70; Степи Евразии 1981, 67-68]. "В елочку" складывали внешний и внутренний панцири кладки, а забутовка состояла из мелких камней и щебня, залитых жидкой глиной. Толщина двухслойных кладок нигде не превышала метра. Одна камера - комната отапливалась открытым очагом, расположенным в центре (или реже – в углу) дома, другая (передняя) была холодная. Почти каждый дом имел по давней

¹ Сведения о расстоянии содержатся в труде ал-Идриси "Развлечение истомленного в странствиях по областям" (1154): "От города Матраха до города ар-Русийа (Корчева) 27 миль" [Бейлис 1984, 211 - 212].

греческой традиции отгороженный массивными стенами дворик, являвшийся своеобразным хозяйственным помещением без крыши. Кое-где сохранились обнаруженные при раскопках характерные для домостроения византийских городов дверные проемы с каменными порогами, обрамленные хорошо подогнанными, поставленными на ребро плитами; в порогах – углубления для штырей, на которых вращались двери. Дворы нередко имели вымостки, глинобитные печи, врытые в землю пифосы, иногда обмазанные изнутри известковым раствором, большие хозяйственные круглые ямы – погребца с сужающимся на конус плоским дном. Особый интерес представляют жернова типичных византийских ручных мельниц, фрагменты гончарной кружальной керамики, амфор, поздней краснолаковой посуды, изделия из железа, каменный киот, украшенный резным орнаментом, византийская черепица с клеймами, костяная ручка с резным изображением лошади и птиц, обломки стеклянных лампад, ранней белоглиняной поливной керамики [Башкиров 1957, 317-371; Гадло 1968, 59; Блаватский 1941, 220; Долгоруков 1975, 56, 57, рис. 3; Крым 2003, 158, 175 - 178]. Даже местная лощеная посуда, при всей ее схожести с хазарской, имеет свое лицо. К примеру, приземистую широкодонную миску отличала ложбинка на венчике, вероятно, для крышки, что не характерно для салтово-маяцких мисок. Другая имела вертикально-заостренный венчик с резким переходом в округло-коническое тулово [Флеров 2001, 162, рис. 2, 11; 166, рис. 8, 47]. Не говоря уже о том, что поддон в салтово-маяцкой гончарной традиции совершенно не известен, все это отражает местное, но не хазарское своеобразие.

Фанагория даже не изменила своего давнего названия (Phanagorias лишь стала Phanagouris, Phanagourias, Phanoria) [подр. см.: Георгиев 2004, 83 - 84]. Она располагалась на двух плоских террасах, нижняя из которых (около 15 - 17 га), где находился общественный, а значит, и рыночный центр города, ныне затоплена морем. К слову, город стал хиреть к концу IX в. и оказался покинут к началу X в., скорее всего, вследствие неблагоприятной геофизической обстановки, сложившейся вокруг него, обмеления порта, нарушения водного баланса, в не в силу внешнеполитических причин, военных столкновений, разгрома печенегами [Атавин 1987, 32, 34; Плетнева 2002, 111; Плетнева 2003, 97]. Почти посередине с юга на север, видимо, проходила дорога из верхнего города к морю [Болгов 2002, 111]. Раскопки ГИМ в 1939 г. на северо-западной части городища открыли слой VI - VII вв. с вымостками из каменных плит и черепков, обломки поздних жанровых терракотовых статуэток (фигура воина в панцире и плаще, обнаженная гротескная мужская фигура) [Пятышева 1960, 112 - 115]. В застройке, вероятно, встречались вполне добротные, монументальные здания из числа тех, что были возведены здесь, по мнению И. Т. Кругликовой, в конце IV - V вв. в традициях античной архитектуры, с колоннами, вымостками, колодцами [Кругликова 1966, 221]. Часть из них могла первжить лихолетья и в обновленном виде существовать в VI - VII вв.

В городе издавна, задолго до хазарской эпохи жило немало евреев, о чем свидетельствуют древнееврейские надгробные надписи позднеантичного некрополя, существовали прозелиты иудаизма, в том числе из числа варваров, сарматского населения (надгробие Балкоса), но были и христиане, на что особенно выразительно указывает находка на западном кладбище Фанагории крышки позднеантичного гроба, сбитой брусками и с накладными деревянными пластинками в форме стилизованной рыбы

[Люценко 1880, 5; Даньшин 1993, 66 - 68; Шавырина 2000, 360]. Значительным оставался элемент исповедующих иудаизм и позже, на что указывают находки на некрополе свыше полусотни надгробий с семисвечниками, 26 из которых имели тамгообразные знаки на оборотной стороне, а четыре – надписи на еврейском языке [Люценко 1880 а, 573 - 580]. Видимо, поэтому для Ибн Хордадбеха это был "город евреев" [Кулаковский 1898, 495]. К этому стоит добавить, что, судя по подписи Иоанна, епископа Фанагорийского (Ioannes Episkopos Phanagoreias), под прошением Константинопольского собора 519 г. к патриарху, Фанагория оставалась епископской резиденцией, одной из четырех, и по меньшей мере до второй половины VII в. входила в состав северокавказской церковной епархии Зихии, простиравшейся вдоль всего берега Азовского моря и Керченского пролива [Макарий (Булгаков) 1994, 128 - 129]. Под названием Fanagorion она, вслед за Сугдеей (Sugdabon), фигурировала в составленной между 660-ми гг. и началом VIII в. "Космографии" анонима из Равенны [Vasiliev 1936, 42], и, значит, о ней знали даже в далекой Италии. Надо думать, определенного здесь на жительство византийского экс-императора Юстиниана Ринотмета в начале VIII в. окружал знакомый, разве что более скромный, без "аристократических жилищ - резиденций", но преимущественно греческий быт, немногим отличный от того, что он застал в Херсонесе. По словам Феофана, записанным в его "Хронографии" под 679 / 680 г., "...у Фанагории и живущих там евреев обитает множество народов (papakointai ethne pleista)" (выделено мной – С.С.), а не хазары, которые, как следует из дальнейшего рассказа византийского историка, со временем стали получать с этих народов, как и с приазовских булгар, дань [Чичуров 1980, 36, 37, 60, 61, комм. 261, 284].

Следует заметить, что город отстроился после второй четверти - середины VI в. Прокопий писал в "Войне с готами", появившейся в 551 г., что Кепы и Фанагурис (Фанагория) "...издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время. Но недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания" [Прокопий 1950, 388, VIII. 5. 23. 28 - 29]. Эти слова многократно повторялись современными исследователями. Однако раскопки показывают, что в конце VII - VIII вв. в боспорских Патрее, Кепях вновь велось строительство, они не были покинуты жителями, а пополнились пришлыми элементами, судя по захоронениям, булгарами [Якобсон 1964, 39; Сокольский 1965, 108; Паромов 1993, 148]. В данном случае грунтовые могилы демонстрировали типичные черты языческого ритуала: неупорядоченную ориентировку, позы погребенных, наличие разнообразного погребального инвентаря, включая серолощенные сосуды и ойнохой крымского производства, остатки жертвенной пищи, византийскую монету, находившуюся в положении "обола Харона" [Крушкол 1950, 232; Сударев 1994, 114 - 115; Сорокина 1969, 124 - 130]. Даже жилища в здешних поселениях стояли "по кругу", видимо, отражая не забытую осевшими "варварами" традицию планировки кочевнического семейного "гнезда" [Плетнева 2003, 98]. Вообще, Крымское Приазовье дает более яркие, выразительные случаи проявления поздних языческих верований, вплоть до ритуального расчленения детей и собак, хотя и здесь они уникальны и встречались лишь в сельской глубинке, вдали от выживших бывших греческих центров [Винокуров 2002, 191 - 194].

Возвращаясь к Фанагории, следует заметить, что в античную эпоху город занимал около 50 га, то есть был в два раза меньше Пантикапея, но значительно превосходил

по площади прочие боспорские центры [ср.: Петрова 2000, 125]. Любопытно, что в раннее средневековье он тоже не только возродился, но его граница значительно передвинулась на восток, причем территория, ранее находившаяся вне городской черты, оказалась застроенной [Блаватский 1941, 221]. Простираясь вдоль берега на километр полосой шириной 170 - 200 м, город по площади вдвое превосходил соседнюю Гермонассу - Таматарху, явно процветал, оставаясь крупным торгово-ремесленным центром [Плетнева 1986, 55; Плетнева 2003, 96; подр. см.: Крым 2003, 157, 179 - 183]. Застройка его производилась с максимальным использованием старых зданий и кварталов и едва ли отражала "лагерный тип "города", свойственныйномадам [ср.: Георгиев 2004, 86].

Фанагорийские однокамерные - двухкамерные дома довольно больших размеров (6 x 4,6 x 5,8 x 5 м), цоколи которых были сложены отчасти "в елку", из камня, взятого из более ранних построек, даже в IX в. сохраняли провинциальный облик, как и мощеные черепками улицы, вдоль которых они стояли. Раскопанный отрезок такой улицы с примыкающими переулками показал, что она была стандартной ширины около 3 м [Плетнева 1981, 16 - 17, рис. 6]. Стены домов с огороженными дворами были из сырца или глинобитными, но на углах, у входов выложены из крупных обработанных блоков, по давней, опять-таки не хазарской традиции.

При Юстиниане II здесь не было византийских войск, но было немало "единоплеменников" (top idion omorphilon) экс-императора, то есть греков, ромеев, которые, как и хврсониты, могли строить козни или даже составить заговор против бывшего василевса. Во всяком случае, это обстоятельство хаган посчитал убедительным объяснением для необходимости присылки охраны, которой в соответствии с правилами демилитаризации кондоминатного владения, до этого момента не было и которая отныне должна была стеречь "друга", даже более того, родственника хагана и вместе с тем врага Империи. Едва ли эти стражники были многочисленны и докучали своим вниманием. Удивительно, задушенного Юстинианом "здешнего, местного" (oikeios) архонта Паһаца, бывшего в городе "от лица" хагана, никто не искал. Его исчезновение по меньшей мере на день не встревожило "людей охраны" (andras eis phylaken) и уж тем более не привлекло внимание фанагорийцев. Экс-император, как и его посланники, не встречали препятствий при передвижении в пределах кондоминатной территории, с Азиатского на Европейский Боспор и обратно. Убийца явно не торопился. За это время он успел вызвать и дождаться архонта Боспора, Валгица, чтобы расправиться и с ним, а после организовал отъезд жены Феодоры из города и сам покинул его [Чичуров 1980, 39, 62-63, 155, 163]. Случившееся можно объяснить как заинтересованностью хагана именно в таком исходе событий, так и слабостью власти, редкостью хазар в городе, куда Юстиниан попросился на жительство, видимо, отнюдь не случайно. Так, им не могло не быть учтено, что Фанагория являлась узловым центром всей системы дорожных связей Таманского полуострова, в пяти направлениях расходившихся от города [Болгов 2002, 113 - 114; Крым 2003, 164].

Примечательно, для того, чтобы выбраться с Острова, Юстиниан бежал в приморское местечко или селение (parathalassion chorion) Томи (Tomel или Tomin), в котором некоторые исследователи считают возможным видеть находившуюся в 21 км к юго-западу от Фанагории Гермонассу-Таматарху (Tomitorakan) VII - VIII вв., место с тучными пастбищами и обильными подпочвенными водами, что соответствовало тюркско-

му tomi, tomar [Nicephoros 1990, 42. 25-29, p.103; Gregoire 1952, 288-292; Гадло 1966: 61; Георгиев 2004, 85 - 86]. Впрочем, с не меньшим основанием здесь можно предположить банальную ошибку переписчика, пропустившего первую букву в слове stomen – "устье", и в этом случае беглец направился к неподалеку расположенному рукаву реки Кубань, который впадал в Шимарданскую бухту южнее Фанагории, имевшей тем самым прямой выход в Азовское море [Болгов 2002, 110]. Скорее всего, именно там он нашел местную греческую галиаду (алиаду) – легкое, полурыбачье - полувоенное достаточно быстроходное судно, уже снаряженное к отплытию, которое и доставило его "вместе с некоторыми другими мужами", "своими товарищами" (ton etairon), в Символон (Балаклаву) около Херсона. Если это так, тогда приходится признать, что в этих местах, как и в Символоне, не было представителей ни хазарских, ни византийских властей. Находки же печатей византийских "министров финансов" — логофетов генерала первой половины - конца IX - начала X в. в "Матрахе" (Таматархе) говорят о ее включении в зону самого пристального внимания византийских властей, несмотря на сохранявшееся влияние со стороны хазар, которые знали этот город как Самкерц (С-м-к-р-ц, С-м-к-рай) и, вероятно, держали там во второй четверти X в. военный гарнизон². Следует также подчеркнуть, что Фанагория и Гермонасса (будущая Таматарха), невзирая на наличие сооружений с использованием техники кладки "в елку", были включены в круг боспорской культуры, сохранили регулярную планировку, многослойное мощение улиц керамической крошкой, континуитет с античной градостроительной системой, тогда как в известных городищах Хазарии уличная планировка совершенно отсутствовала, а разбросанные "усадебьи" имели стены столбовой конструкции, разумеется, даже без намков на opus spicatum, либо целиком сырцовые и юртообразные жилища, так и не появившиеся в таманских городах [ср.: Плетнева 2002. 120 - 121; Флеров 2002, 160, 162]³.

Строительство усадеб с домами-пятистенками и огороженными дворами, где размещались хозяйственные постройки и открытые очаги, наблюдается и в Боспоре, в приморской части города, который с 80-х гг. VII в. якобы стал центром хазарских владений в Крыму и "основным опорным пунктом хазар на полуострове" [Айбабин 1997, 6; Могаричев 2000, 103; Могаричев 2001, 270]. Не вдаваясь в дискуссию, следует заметить по этому поводу, что веских оснований для принятия столь ответственного вывода нет, и его следует рассматривать не более, как мнение [см.: Сорочан 2001, 76 - 81; Науменко 2001, 346 - 355; Сорочан 2002, 509 - 543]. Раскопки 1990 - 1992 гг. на участке в Кооперативном переулке в Керчи тем более нельзя отнести к числу убедительных аргументов, поскольку, наряду с техникой кладки "в елку", среди типично местного материала византийского облика не местными являются лишь пара фрагментов венчиков сероглиняных банковидных горшков с ногтевидными вдавлениями, ко-

² Пользуюсь случаем поблагодарить за эту сфрагистическую информацию К.Д. Смычкова О городе SMKRYU, SMKRYW, SMKRS см. "текст Шехтера" и пространную редакцию письма хазарского царя Иосифа к Хасдаю ибн Шапруту [Голб, Прицак 1997, 141, 142, 147, 164; Коковцов 1932, 102, прим. 19].

³ В этой связи показательны, что юртообразные и полуземляночные постройки совершенно отсутствовали в городах раннесредневековой Таврики, а если и встречались, то изредка лишь в сельских местностях Восточного, Центрального и Северо-Западного Крыма.

которые находят аналогии среди керамики пеньковской археологической культуры, возможно, привнесенной на полуостров антами в ходе контактов с кутригурами и оногурами [Юрочкин 1994, 27 - 29; Айбабин 1999 а, 185 - 187, рис.79]. А.И. Айбабин называет подобный тип жилища "новым", но на поверку оказывается, что отсутствие фундаментов, каменные цоколи, иногда без перевязки стен, сами глинобитные стены домов заимствованы из раннесредневековой местной византийской строительной традиции, равно как и использование в быту обычных открытых очагов ("тарелкообразных и костровидных") [Айбабин 2002, 9]. Видеть во всем этом продукт жизнедеятельности "оседающих на землю кочевников", "смешение различных строительных и бытовых традиций в хазарских жилищах", на фоне остального отчетливо выраженного византийского быта было бы большой натяжкой [ср.: Крым 2003, 54].

Нет ничего специфически хазарского в стенах и общей планировке сооружений, воздвигнутых местами в технике *opus spicatum* в портовом районе в период конца VI - IX вв., которые пытаются интерпретировать как остатки "хазарской цитадели", крепости, где сосредотачивались органы управления городом, находился хазарский гарнизон и синагога, якобы разрушенная при сооружении храма Иоанна Крестителя [Крым 2003, 53 - 55; Плетнева 2003, 88 - 89; см. возражения: Сазанов, Могаричев 2002, 484 - 488, 501; Сорочан 2002, 522 - 523]. Дом, открытый в Кооперативном переулке, датируется, по уточненным данным, от второй четверти VI в. до последней трети VII в. [Сазанов, Могаричев 2002, 488 - 501]. Слой пожара, в котором он погиб, локален и не содержит хазарских материалов. Вполне вероятно, что бедствие случилось до появления здесь хазар. К тому же единичные боспорские постройки конца VII в. с использованием техники кладки *opus spicatum*, как и некоторые аналогичные, существовавшие в других местах Крыма в это время, даже условно нельзя относить к салтовомаяцкой культуре - "государственной культуре" Хазарского каганата хотя бы потому, что самый ранний период этой культуры датируется от середины или, скорее, конца VIII в. до середины IX столетия [Плетнева 1967, 135-143; Степи Евразии 1981, 64; Флеров 1983, 103 - 109; Афанасьев 1987, 143, 166; Кузнецов 1992, 160 - 162; Винникова, Плетнева 1998, 18 - 27]⁴. Следовательно, перед нами продукт иного исторического феномена, требующий иного определения.

В связи с этим следует заметить, что кладка "в елку" зафиксирована в слое III на горе Митридат (раскопки 1945 и 1947 гг. восточнее Второго Кресла), причем постройки относятся к позднеантичному времени, до V - VI вв., явно выходящих за возможные реальные рубежи появления здесь хазар [Блаватский 1957, 91]. Такие же постройки с кладкой *opus spicatum* были обнаружены на верхнем Митридатовском раскопе, в черте акрополя и тоже в позднеантичном слое (слой IX, стена 89) [Блаватский 1962, 28 - 31]. Подобные случаи наблюдаются и в других местах Крымского полуострова, о чем будет сказано ниже.

Каменные здания-пятистенки с печами или очагами из плитняка в углу комнаты являются типичными для провинциально-византийских поселений Таврики [Баранов 1986, 247]. Часть раскопанных раннесредневековых домов в боспорской Тиритаке тоже имеют закругленные угловые части и цоколи с кладкой *opus spicatum*, на кото-

⁴ С этой точки зрения фразы об "этническом составе салтово-маяцкой культуры Крыма второй половины VII - первой половины VIII вв." лишены смысла [ср.: Майко 2000, 287].

рой стояли стены из сырцового кирпича, но, наряду с образцами салтовской лощеной керамики в слое, сопутствовавшем времени существования построек, встречается типичный "греческий" инвентарь, а занятия жителей рыболовством, рыбозасолочным промыслом, земледелием и животноводством опять-таки не знали существенных перемен [Гайдукевич 1952, 130-131]⁵. Судя по захоронениям в безинвентарных плитовых могилах, подобных тем, что появились на Боспоре со второй половины VI в., иногда с вырезанным на камне крестом у изголовья, жители раннесредневековой Тиритики исповедовали христианство, и достаточно давно [Плетнева 2003, 89]. Во всяком случае, граффити с посвящением св. великомученку Феодору на сосуде типа фляги и фрагменты краснолаковых мисок со штампованными крестами относятся к рубежу V - VI вв. и к VI - VII вв. [Емец 2002, 83 - 84; Крым 2003, 30].

На это же указывают остатки крытой черепицей трехапсидной базилики первой половины VI в. (длина до алтарной части — 10,5 м, ширина — 9 м по внутреннему обмеру), с застекленными окнами, полами из проконнесского мрамора, византийско-коринфскими капителями и другими, конической кубовидной формы, с крестами [Зинько 2003, 120 - 124]. В стене близ южного входа находилось четырехугольное углубление, облицованное мрамором, которое, вероятно, служило нишей для купели [Гайдукевич 1940, 192]. В 0,8 м к юго-востоку от порога тиритакского храма был бассейн, может быть, фиал, тоже облицованный мраморными плитами [Гайдукевич 1940, 68 - 71, рис. 80 - 81].

Впрочем, наличие всего этого не мешало некоторым обитателям городка весьма поверхностно относиться к Слову Божьему и быть плохими христианами, на что намекает выразительная находка в одном из домов VI в., недалеко от рыбозасолочных цистерн антропоморфной гальки с подчеркнутым животом, которая как амулет может быть отнесена к ранневизантийскому времени, IV - VII вв [Иващенко 1989, 51 - 52; ср.: Сазанов 2004, 178 - 179]. Прежние боги и идолы, особенно связанные с культом плодородия и очага, с большим сопротивлением сдавали свои позиции наступающей новой религии. Это видно из того, что гораздо позже в плитовом некрополе, выросшем на окраине Тиритики, некто совершил святотатственный для христиан ритуальный языческий акт — захоронил в глубокой яме вместе с человеческими собачьи черепа, добавив к ним фалангу пальца с не снятым с нее кольцом и жернов [Марти 1941, 32, могила №3].

После слоя пожаре второй половины - конца VI в. в Тиритике выделяется период VII в., которому сопутствует соответствующая поздняя краснолаковая керамика, амфоры; базилика, похоже, не функционировала в VIII в., но к ее стене сделали пристройку, а новая усадьба, просуществовавшая до второй половины IX в. или первой половины X в., в свою очередь была возведена над остатками винодельни, время прекращения существования которой остается открытой [подр. см.: Гайдукевич 1952, 49-55, 126-131, рис. 160-164; Гайдукевич 1958, 172-173, рис. 27-28; Гадло 1980, 144-145; Сазанов 2004, 179 -182]. Связывать все это с хазарами неправомерно, поскольку даже салтовцы появились на поселениях Восточного Крыма, в том числе и на месте

⁵ Город не погиб в результате нашествия тюрок в 576 г. [Николаева 1981, 88-92; ср.: Сазанов 1989, 58]. По поводу округленных углов, якобы намекающих на юртообразные жилища кочевников, стоит заметить, что жилые кваркрасно-турлучные постройки с подобными углами действительно имели распространение на поселениях Северного Кавказа, но прослеживаются в слоях уже II - III вв. [Магомедов 1983, 147 - 149].

Тиритаки, не раньше второй половины - конца VIII в. [Якобсон 1958, 469 - 470].

Примечательно также, что в здешних домах VIII - IX вв., как и в постройках поселений около пос. Героевское, расположившихся на хоре Нимфея, и во многих других местах Восточного и Юго-Восточного Крыма печи клали по местной античной традиции, из каменных плит, а очаги выходят из употребления, причем одновременно из производства и использования исчезли глиняные котлы с внутренними ушками, свойственные тюркам - кочевникам [Плетнева 1999, 154 - 155; Зинько, Пономарев 2001, 152].

Прочие плитовые могильники Керченского полуострова (Михайловский, Эльтигеновский, Зенонова Херсонеса на мысе Зюк) тоже демонстрируют погребения в виде каменных ящиков, иногда с арковидными неглубокими нишами, высеченными в торцевой каменной плите, к которой покойника клали головой [Масленников 1992, 167 (речь идет о плитовой могиле, вероятно, второй половины VII в., если не раньше, которую с большим трудом можно соотнести с "горизонтом хазарского времени" на этом памятнике); Пономарев 2001, 116]. Для принявших крещение они имели значение портала, символической двери в иной, лучший мир. Следует заметить, что подобные конструкции обнаруживают христианские погребения некрополей Тепсеня (детское погребение 39) и Сугдеи (детская мог. 52), в которых нет ничего от хазарской культуры, но зато сильно ромейское влияние, континуитет с традициями предшествующего местного населения [Майко 2001 а, 40].

"В елку" сложены некоторые группы камней цоколя одного из раскопанных домов раннесредневекового Мирмекия, находившегося в четырех километрах от Боспора, что свидетельствует о знакомстве строителей с подобной техникой кладки, однако прочий инвентарь, каменная круглая ступа, характерный облик кружальной керамики, амфор VIII - IX вв., обломки венца от пифоса, жернова ничем не отличаются от тиритакских [Гайдукевич 1952 а, 177-178, рис. 81]⁶. Слабая же мощность раннесредневекового культурного слоя вполне объяснима его "благополучностью", — свидетельство жизни, не знавшей пожаров и разрушений. Особняком смотрится при этом входка в верхних слоях следов ямы с остатками человеческого черепа и жернова, в чем с большой натяжкой можно подозревать проявление ритуального языческого захоронения [Гайдукевич 1987, 165].

Присутствие кочевников нелегко уловить и в соседнем Илурате, где жизнь в VII в. тоже продолжалась, судя по находкам поздней краснолаковой керамики в слое во дворе дома 2 (участок III), функционированию некоторых рыбозасолочных цистерн и винодельни [Крым 2003, 30, 31]. Между тем, по мнению В.Ф. Гайдукевича, здесь обнаружены даже каменные основания юрт и загоны для скота булгарского стойбища VIII в. [Гайдукевич 1950, 188; Гайдукевич 1958 а, 134-138]. Однако исследование постройки, цоколь которой сложен "колоском" на глиняном растворе, показывает, что в углу большого помещения была поставлена печь из обтесанных каменных плит. Углубленные "круги" диаметром 6 - 7 м и одно такое же сооружение подпрямоугольной формы (4 х 5 м), без перекрытий, сложенные из бутовых и подтесанных камней, с несколько-

⁶ С салтовской керамикой может быть связан лишь часть кувшина, обнаруженного в раннесредневековой мусорной яме, плечи и тулово которого укрвлены полосами из мелких вдавленных линий, а нижняя часть горла украшена волнистой полосой.

ми ступенями, ведшими с западной стороны, были завалены камнями, в том числе обожженными огнем, среди которых было довольно много костей домашних и диких животных, птиц, рыб, а также зола, пепел, скопления угольков. Судя по керамическому материалу, фрагментам боспорских, южнопонтийских амфор, красноглиняной и краснолаковой посуды, эти ограждения функционировали преимущественно во II - III вв. н.э. и, будучи расположенными на территории некрополя, являлись культовыми погребально-поминальными комплексами, своеобразными святилищами, предназначенными для поминальных тризн, а не остатками юрт кочевников или загонов для скота [подр. см.: Ханутина, Хршановский 2003, 316 - 321, рис. 1 - 8; ср.: Плетнева 2003, 90]. Из семи обнаруженных к настоящему времени, три таких комплекса несут следы вторичного использования, перепланировок более позднего времени, в том числе устройства впускного погребения V в. и выгородок, сделанных в технике *opus spicatum* [Кубланов 1979, 96 - 97; Хршановский 1988, 20 - 27; Ханутина З. В., Хршановский 2003, 318], что указывает на континуитет в использовании таких сооружений, а значит, и на преемственность связанных с ними представлений, бытовавших среди местного населения со времен античности. Но самое примечательное – в здешних боспорских кладках первых веков н.э. уже можно видеть зарождение кладки *opus spicatum*, получившей позже столь широкое распространение [Крыжицкий 1993, 212]. В таком случае появление подобной строительной техники в позднеантичных сооружениях собственно Пантикапея - Боспора оказывается вполне закономерным, и ее, как и в Илурате ранневизантийского времени, не обязательно видеть продуктом лишь салтовцев. Эти же наблюдения в корне противоречат утверждению о том, что "первые однокамерные каменные дома, сложенные в данной технике, появляются у тюрок юго-восточной Таврики не ранее середины VIII в." [Майко 2000, 289].

Следует принять во внимание, что кладка *opus spicatum*, эпизодически прослеживаемая на Боспоре до хазарского периода, сохранилась здесь и позже, в строительных горизонтах конца IX - XII вв., после того, как хазары оставили Крымский полуостров⁷. Следовательно, это была кладка, усвоенная не пришельцами, а именно местным населением. В квартал, состоявшем из пяти домов и двух пересекавшихся под прямым углом улиц, построенном, очевидно, в конце IX в. по типично византийской планировочной схеме, якобы над "хазарскими слоями", боспорские усадьбы по-прежнему были сложены по известной ранее системе смешанной кладки из бута на глине, с отдельными участками, образующими "елочку" [Макаров 1965, 71 - 72; Макарова 1998, 359 - 361; ср.: Сазанов 1998, 82 - 83, табл. 21]. Более ничего "тюркского" в них нет. Даже сторонники доминирования протоболгарского влияния признают, что такие элементы построек, как каменные цоколи и глинобитные стены, были "заимствованы из боспоро-византийской домостроительной традиции" [Айбабин 1999, 189]⁸.

⁷ Анализ письменных источников (письма патриарха Фотия Антонию, архиепископу Боспора, и сообщения Ибн Русте) позволяет заключить, что к началу 870-х гг. город не контролировался хазарскими властями и, несомненно, принадлежал Византии [см.: Цукерман 1998, 676; Айбабин 1999, 222].

⁸ А. Л. Якобсон счел нужным подчеркнуть, что отсутствие каменного цоколя являлось спецификой жилых построек Подонья и отличало их от жилого дома того времени в Таврике [Якобсон 1970, 119 - 120].

Кладка opus spicatum была известна в раннесредневековом Восточном Крыму и на его южном побережье, причем ее использовали и в жилом, и в производственном, и в храмовом строительстве. Так, кусками плиточного известняка, сложенного "в елку", строители облицовали стены неглубокой землянки VIII - IX вв. на большом открытом поселении у д. Пташкино на Керченском полуострове [Гадло 1980, 131]. С уровня материка начиналась двухрядовая кладка, тоже выложенная "...по типу кладки "в елку" и заставляющая подозревать присутствие салтовцев" [Гадло 1980, 132]. Однако и ранний период поселения, вероятно, имевшего позднеантичную основу, представлен неглубокими полуземлянками, одна из которых датируется по фрагментам амфоры с перехватом не позже середины VII в., то есть временем до появления "народа хазар" у берегов Черного моря [Гадло 1980, 135; ср.: Якобсон 1970, 28, № 78].⁹ Такие же жилые сооружения сельского и городского типа в виде полуземлянок известны около с. Морское и в Сугдее, но и здесь они имеют аналогии не только в праболгарских, возможно, хазарских материалах, а и в материалах пеньковских поселений Южного Поднепровья второй половины VII в. [Майко 1998, 130]. Причем рядом с крымскими редкими памятниками такого рода обнаруживаются как зерновые ямы, открытые очаги, так и вкопанные в землю, привычные ромеям пифосы [см.: Майко 2000, 288]. В связи с этим следует учесть, что подобный простейший тип жилых сооружений в виде полуземлянки подпрямоугольной или овальной формы с глинобитной каркасной конструкцией стен был и у народов, ведших оседлый образ жизни.

Во второй строительный период, приходящийся на вторую половину VIII - IX вв., на месте поселения у д. Пташкино возводится трехапсидный базиликальный сводчатый храм; нижний ряд его кладки шириной 1,12 м был уложен прямо на материк, но состоял из двух лицевых рядов рваного и в меньшей степени тесаного известняка с забутовкой посередине на грязевом "растворе" – прием, обычный не для "хазарских архитекторов", а для всех каменщиков как первых веков, так и эпохи средневековья [ср.: Плётнева 2003, 92]. Мощение пола плитами из известняка тоже не назовешь особенным. Так могли делать и греки, и пришлые мастера, попадавшие под влияние ромейской культуры.

К слову, говорить о недостроенности, заброшенности строительства этого христианского храма только потому, что раскопки показали отсутствие кровельной черепицы, было бы неправомерно. Его стропила могли быть покрыты камышом, ветками или соломой, присыпанными землей. В сельской местности это был испытанный прием, имевший привлекательность в своей дешевизне. Бороздчатые амфоры причерноморского типа из завала на месте постройки датируются не только концом VIII - началом IX вв., но и IX в. Поэтому относить разрушение или прекращение строительства храма к рубежу VIII - IX вв. на их основании тоже преждевременно [Гадло 1980, 142, рис. 7]. Тем более среди амфорного материала оказались обломки высокогорло-

⁹ Обычно углубления помещений в землю относят к черте, характеризующей салтовцев. Тем не менее следует учесть, что заглубленные постройки, облицованные по периметру бутовым камнем на глиняном растворе (в один камень толщиной), известны и в раннесредневековом Херсоне (см. раскопки пом. 8 - 9 в южном углу квартала I), где какие-либо следы влияния салтовцев ничтожны [Золотарев 1975, 12, рис.32].

го кувшина того типа, какой не выпускался ранее второй половины IX в.¹⁰ Что касается кости ноги лошади, найденной тут же, при раскопках северного нефа, ее едва ли стоит относить к следам особого языческого ритуала, каким местное население якобы хотело выразить свой пиетет к святому для христиан месту [Гадло 1980, 137, 143].

Ярко выраженную печать такого же ромеизированного облика несет крупнов. площадью более 15 га поселение VIII - IX вв. на южном склоне горы Олук. Остатки большой базилики, колодцы, следы дорог, подпорных стен, кольцевых загонов и кошар для мелкого рогатого скота, усадьбы из двух жилых помещений (10,5 x 6,5 и 6,3 x 6,1 м), примыкающие к ним хозяйственные постройки, заглубленные в котлован двухпанцирные с забутовкой стены, выложенные на уровне цоколя кладкой *opus spicatum* углы из блоков известняка со следами инструментальной обработки, каменные очаги и глинобитные печи, каменные вымостки кое-где, обломки пифосов, разнотипных амфор VIII - первой половины X вв., высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, ойнохой "баклинского типа" заставляют с недоверием относиться к заключению о принадлежности обнаруженного к "обычным памятникам хазарской культуры Керченского полуострова", ибо эта "хазарская культура" ничем не отличается от сельской, провинциально-ромейской [см.: Голенко, Джанов 2002, 76 - 78]. Даже находки некоторого количества фрагментов сероглиняной кухонной керамики и сосудов с лощением не в силах развеять сомнения о принадлежности этого характерного и вместе с тем типичного для хазаро-византийской кондоминатной Таврики археологического комплекса к "последнему этапу развития салтово-маяцкой культуры"

Порой такого рода привязки носят искусственный характер. Так, на восточной окраине с. Заветное в Юго-Восточном Крыму находится небольшая крепость площадью около 530 кв. м (30 x 22 м), воздвигнутая на мысу и защищенная со всех сторон двухпанцирной, трехслойной стеной толщиной 1,10 - 1,40 м, из бутовых и подтесанных известняковых камней на глинистом растворе, а также ровом шириной до 2 м. К кастрону примыкало крупное поселение с обособленно расположенными постройками, прослеживаемыми в виде скопления камней и гончарной керамики. Вероятно, оно существовало не только в эпоху раннего средневековья, но и в конце XIII - XIV вв. На соседнем мысу находился типичный для местного населения, в том числе христиан, плитовый могильник из числа тех, что стали особенно распространяться со второй половины VII в. Тем не менее, обнаруженный на поселении обычный, долго функционировавший очаг в виде ямы (диаметром - 0,42 м, глубиной - 0,10 - 0,12 м), расположенной на овальной, с невысокой оградой площадке (3,4 x 2,6 м), слегка углубленной в суглинок на 0,10 - 0,15 м, предлагается рассматривать в связи с вопросом о языческих верованиях и обрядах народов Хазарского каганата, а именно, как ритуальное капище, в котором разжигали не иначе как "священный огонь" [см.: Пономарев 2003, 264 - 282; Пономарев 2004, 456]. Между тем в засыпи очага и вокруг него оказался тот же массовый бытовой материал, что и на поселении: фрагменты при-

¹⁰ На его горле была процарапана надпись на греческом [Гадло 1980, 140]. С.А. Плетнева без каких либо объяснений относит строительство храма к концу X в. и полагает, что это была последняя крупная хазарская постройка, которую хазарские архитекторы попытались возвести "на своих прежних, но уже почти утерянных землях, вновь ставших византийскими" [Плетнева 2003, 92].

черноморских амфор с мелко-зональным рифлением, коричневоглиняных амфор с "перехватом" на тулове, ойнохой "баклинского" типа, несколько венчиков и стенок горшков салтовского облика [Пономарев 2003, 267 - 271, рис. 3, 6, 7 - 9]. Находки двух кремневых отщепов и лоцил из песчаника едва ли можно безоговорочно относить к "амулетам", а обломки посуды и раздробленные кости домашних животных – это обычный бытовой кухонный мусор, как и зола, которая засыпала площадку [Пономарев 2003, 270]. Не всякий зольник является указателем языческого святилища. Зато типично византийским культурным признаком могут служить обломки нескольких рюмообразных стеклянных сосудов [Пономарев 2003, 272, рис. 8. 12]. Примечательно также отсутствие лепной посуды, лепных поделок, не считая единственного плоского глиняного кружка с беспорядочными вдавлениями, в которых при всем желании невозможно углядеть "солярную символику", связанную с "ритуальной имитацией хлеба", с "земледельческими культами или общетюркским культом Тенгри-хана" [Пономарев 2003, 272, рис. 8. 8; ср.: Пономарев 2004, 457]. Прочие единичные глиняные кружки с изображениями креста или креста в круге из раскопок поселений Керченского полуострова (Геревка - 3, Эльтиген Юго-Западное, Тиритака), даже если это действительно были не простейшие христианские амулеты, филактерии IX - X вв., а "изделия с небесными символами", "домовые обереги", крайне редки, чтобы говорить о доминировании здесь именно тюрко-болгар с их языческими верованиями и обычаями [Пономарев 2004 в, 37].

Вообще, кладка жилых и хозяйственных сооружений, даже из наиболее ярко выраженных "салтово-маяцких" поселений Восточного Крыма второй половины VIII - первой половины X вв., обычно смешанная – постелистая иррегулярная двухлицевая с забутовкой и "елочкой", а хозяйственный и бытовой инвентарь включает не только сравнительно немногочисленную керамику салтово-маяцкого типа, лепную посуду, но и пифосы, амфоры, ойнохоевидные кувшины, кухонные горшки с клеймами на дне, прочую массовую кружальную посуду, даже светильники византийского облика, в том числе с граффити в виде букв греческого алфавита и различных знаков и в виде креста, что указывает на быт не столько собственно салтовского, сколько христианизированного разнотничного гетерогенного населения вполне "ромейского облика" [см.: Зинько 1997, 40-41; Зинько, Пономарев 1997, 42-43; Зинько В.Н., Пономарев 2001, 151 - 156, рис. 5]. Поэтому было бы странным пытаться связывать с "раннетюркскими праболгарскими древностями" керамические комплексы, представленные хорошо известными типами амфор VII - VIII вв., столовой провинциально-византийской посудой, крупными ойнохоями, гончарными кухонными горшками, в том числе близкими типам кухонной посуды византийского Херсона, и лишь отдельными фрагментами редких лепных горшков [см.: Майко 2000, 291 - 294]. Показательно, что прочерченный крест встречается даже на некоторых фрагментах лепных кухонных округлобоких горшков, считающихся типично кочевническими типами керамики, как это видно на примере находки из Сугдеи, которая никак не увязывается с комплексом "тюрко-болгарского святилища" или "хазарского капища" - зольника второй половины VIII - середины X вв. на участке куртины XV, откуда происходит обломок [Майко 2000, 293; Майко 2001 б, 25, рис. 9, 8].

Стены дома с огороженным двором, построенного не ранее IX в. на плоском холме Тепсень, недалеко от западной окраины поселка Коктебель (Планерское), после

разрушения одной из базилик Тепсеньского городища, действительно, были сложены с использованием приема *opus spicatum* [Бабенчиков 1958, 96 - 99]. Однако в остальном усадьба имела типично провинциальный византийский облик – черепичную крышу, застекленные окна, соответствующий бытовой инвентарь. В других таких же вполне благоустроенных домах зафиксированы печи из плит известняка и прочие признаки ромеизированного быта [см.: Фронджуло 1961, 168 - 182; Фронджуло 1968, 99 - 132; Майко 2002, 179 - 180]. Даже однокамерные каменные постройки, сложенные в технике *opus spicatum* насухо из мелкого плитняка, как и аналогичные постройки устойчиво стационарных поселений Тиритаки, Героевки, Кордон-Обы, считающиеся предшественниками домов-пятистенков из двух комнат, имеют сравнительно крупные размеры (8,1 x 5,1 м), правильную форму с выложенными камнем дверными откосами, застекленные окна, все те же печи - каменки византийского типа, а основания их стен, хотя и без фундаментов, впущены в грунт на глубину 0,2 - 0,3 м, как это было принято в византийском строительстве [Бабенчиков 1958, 98; ср.: Гадло 1968 а, 82; Баранов 1986, 247; Баранов 1990, 51]. Приводимый В.В. Майко анализ керамики (пифосов, амфор, столовой и кухонной посуды, в том числе с клеймами в виде креста) указывает на ее отчетливо выраженный провинциально-византийский облик и не позволяет считать Тепсеньское городище праболгарским, а его население исключительно тюркским, носителями "крымского праболгарского варианта салтово-маяцкой культуры" [Майко 2000, 101 - 123; ср.: Майко 2002 а, 133 - 134, 142; Майко 2002, 180; Майко 2003, 136]. Автор сам признает, что "сероглиняная лощеная салтовская керамика чрезвычайно редка на полуострове" [Майко 2000 а, 106]. Действительно, едва ли не изначально, уже с VII в., здесь полностью доминировала кухонная керамика, изготовленная на ручном гончарном круге, и византийская привозная керамика, амфоры, кувшины, столовая посуда [Баранов 1986, 247]. Объяснять это византинизацией керамического производства "крымских салтовцев" нелепо, поскольку тогда надо признать, что всё прочее, предшествовавшее появлению салтовцев, местное городское и сельское население (потомки скифо-сарматов, греки, аланы, готы) в одночасье было устарело от гончарного дела, а новоявленные монополисты мгновенно усвоили новую технологию и традиции производства.

По-видимому, не укрепленное поселение на плоской возвышенности Тепсеня, круто спадавшего с южной стороны к морю, занимало площадь не менее 10 га, имело густую, упорядоченную застройку, несколько храмов, включая базилику, и было одним из самых крупных в Юго-Западном Крыму [Бабенчиков 1958, 88 - 146; Фронджуло 1968, 99 - 132]. Старожилы, по словам А.Л. Якобсона, отмечали следы его правильной планировки, что, как известно, характерно для греко-римского и ранневизантийского строительства и исключено для хазарского [Якобсон 1970, 27, № 66]. На берегу под водой сохранились остатки древнего мола из диаритовых квадров на известковом растворе, защищавшего гавань [Зеленко 2004, 65 - 86]. Несомненно, это поселение, если не протогород – полисмадон, "столица" одного из местных южнобережных административных районов - климата, являлось весьма значительным византийским церковным центром VIII - первой половины X вв., а его открытость, незащищенность оборонительными стенами можно объяснить тем, что расцвет городища пришелся на мирное, сравнительно спокойное время византийско-хазарского condominiuma, действовавшего здесь до второй трети IX в.

Даже если предполагаемая некоторыми исследователями увязка Тепсеня с Фулами и "фульским народом", упомянутыми в схолии к нотиции де Боора, в Житиях Иоанна Готского и Константина Философа, проблематична и не может быть принята как окончательная, это не отвергает главного – ярко выраженной христианской сакральной функции городища [Кропоткин 1958, 212 - 218; ср.: Сорочан 2002 а, 71 - 79]¹¹. Изучение даже 2% его территории позволило выявить остатки большой базилики VIII - IX вв. и пяти других храмов, которые с перестройками существовали здесь, видимо, до 40-х гг. X в. Первоначальная базилика была трехапсидная (исследователи называют разные размеры – 37,6 x 12,4 м или 17,5 x 15,5 м.) и уложена на деревянные клетки из плах. Следующий большой храм на ее месте тоже был поставлен на мощные каменные фундаменты из плит дикого камня. Их клали, как положено было в классическом ромейском строительстве, в канавы, прокопанные и нивелированные в материке по одному уровню. Своды храма поддерживали два ряда каменных квадратных столбов, по четыре в ряду стоявших на больших каменных квадрах. Между столпами были каменные арки, а потолки в нефях были коробовые либо крестово-сводчатые, что опять-таки совпадает с приемами византийской архитектуры этого периода. Еще один столп в центре нартекса поддерживал, очевидно, хоры, под которыми размещались баптистерий и усыпальницы кимитирия. Пол был вымощен каменными плитами, швы которых тщательно промазали известью. Храм имел более поздние пристройки - пастофории с северной и южной стороны боковых апсид. Нартекс его достигал 5 м, центральный наос – 14 м, а алтарная часть с клиросами (вима) – около 12 м. С базиликой связана большая часть погребений при храме и захоронения в грунтовых могилах - ямах. Причем в них обнаружены солиды 740 - 750-х гг. Так что эта постройка несомненно существовала во второй половине VIII - IX вв. вплоть до начала X в., когда она оказалась разрушена, вероятно, землетрясением. Только после этого на ее месте был отстроен новый небольшой однонефный храм из сырца, который имел оштукатуренную внутри и снаружи апсиду, выложенную без фундамента техникой *opus vicatum*. Это единственная черта, отличающая его от прочих христианских культовых памятников, сложенных из массивных квадров известняка с забутовкой из мелкого сланца или только из сланцевых камней. Впрочем, даже в этом случае алтарь остался вымощен известняковыми плитами с заливкой швов известью, а на внутренней штукатурке, судя по следам краски, была нанесена фресковая роспись [подр. см.: Барсамов 1932; Кропоткин 1958, 199 сл.; Бабенчиков 1958, 100-114; Якобсон 1958, 482 - 483; Якобсон 1964, 40; Майко 2002 а, 137 - 142; Майко 2003, 137 - 140; ср.: Зубарь 1999, 293]. Но при всем том, никаких особых, "локальных своеобразных черт" в тепсенской базилике нет, за исключением камня с "рюмкообразным знаком" – двузубцем, традиционной, давно известной в Крыму сарматской или тюркской тамгой в фундаменте южной стены здания [ср.: Майко 2003, 139, 141]. Разумеется, этого мало, чтобы говорить о том, что в постройке церкви участвовали хазары [ср.: Плетнева 2003, 92].

Плитовые и простые грунтовые ямные могилы, обнаруженные на кладбище рядом с тепсенскими храмами, в окрестностях плато Тепсень, разумеется, были связаны с

¹¹ Непонятно, на каком основании В.В. Майко полагает, что городище Тепсень возникло лишь в середине VIII в. "...на месте крупного ранневизантийского монастыря предшествующего времени (середина VII - первая половина VIII вв.)" [Майко 2002 а, 143].

местным христианским населением¹². Неясно, почему здешние грунтовые погребения середины IX - первой половины X вв., выполненные в деревянных гробах и преимущественно безинвентарные, надо считать праболгарскими, а соседствующие с ними плитовые могилы христианскими? Ведь крещеных хоронили и в тех, и в других, в одиночном положении, на спине, с ориентировкой на запад при некотором отклонении на север или юг. Их этническое своеобразие, антропологические признаки отступали перед этим главным, что приобщало к миру ромеев, к миру великой православной культуры. О "биритуальности погребального обряда" в этом случае говорить не приходится [ср.: Майко 2003 а, 60 - 63]. К слову, аналогичная картина прослеживается в тепсеньском некрополе середины VIII - второй половины IX вв. [Майко 2002 б, 21]. Обнаруженные здесь сталлообразные, с высеченными или вырезанными изображениями крестов, а также крестовидные каменные надгробия подобны встречающимся в некрополях Херсона, Боспора, Сугдее, Суук-Су, Лучистого, Скалистого, то есть принадлежат ромеизированному населению, разделявшему византийские ментальные ценности [Бабенчиков 1958, 88 - 146, рис. 14, 15; ср.: Веймарн, Айбабин 1993, 195 - 196; Виноградов, Джанов 2004, 413 - 414, №7].

На то же указывают результаты раскопок тепсеньского жилого комплекса в 1949 г., где были обнаружены три бронзовых нательных крестика, склепанные из бронзовых пластинок (вторая половина VIII - IX вв.), а также находка в доме - пятистенке поливного белоглиняного блюда с изображением рыбы, которое могло служить в качестве диска [Майко 2002 а, 139]. Симптоматична и находка на Тепсене раннего епископского "ленного" перстня, который, вероятно, передавался из столетие в столетие [Майко 2002 в, 137 - 138]. В культурном слое вместе с двумя дирхемами середины IX в. при раскопках христианского храма, исследовавшегося в 1998 г., был обнаружен обломок формы для отливки христианских медальонов - филиakterиев с изображением креста в круге, так называемых "самоварчиков" - ладанок и крупных ключей, а на дне пифоса из постройки второй половины IX - первой половины X вв. оказалась сердоликовая восьмигранная вставка в перстень с характерным раннехристианским изображением креста и двух рыб по бокам [Майко 2002 а, 142; Майко 2002, 180]. О ромейском быте говорят сероглиняные, вытянутой формы светильники, которые, вероятно, изготавливались на городище, что опять-таки совершенно не свойственно салтовским, праболгарским памятникам. Даже кухонные горшки Тепсеня нередко отмечены снизу клей-

¹² Показательно, что тип плитовой могилы, генетически связанной с такой же погребальной конструкцией, давно распространенной от Скандинавии до Средиземноморья, в том числе и у населения Таврики античного времени, в данном случае является упрощенным вариантом каменных склепов, почти не известен в Приазовье и совсем не известен в Подонье, то есть в области салтово-маяцкой культуры, которая обязана своим происхождением выходцам с Северного Кавказа [см.: Корпусова 2002, 132 - 134; Ляпушкин 1958, 145-146; Пиорд 2003, 146, прим. 4, там же литература вопроса]. По этой же причине сомнительным представляется распределение зтносов в зависимости от конструкции могил (плитовые - германцы, грунтовые - праболгары, склепы - греки и аланы) [ср.: Айбабин 1999, 104; Майко 2003 а, 63]. Даже если в таких тепсеньских плитовых могилах хоронили салтовцев, это были подвергшиеся ромейской интеграции христиане, поэтому настаивает излишне категоричное мнение о расположении их вперемежку с языческими погребениями [см.: Майко 2001, 104; Майко 2002 б, 21].

мом в форме креста в круге. Единственным, вероятно, языческим было погребение воина - всадника первой половины VIII в., помещенное рядом с христианскими могилами [Плетнева 1999, 162-164]. И это при том, что ни в степи, ни в лесостепи Хазарии не обнаружено ни одного памятника, который можно было бы связать с христианским культом. Археологические исследования показывают, что там повсюду долгое время царили языческие обряды и языческое мировоззрение [Плетнева 1999, 215]. Колоритную картину языческих нравов и обычаев "гуннов" — хазар, напоминающих древнескифские, подтверждают письменные источники [Мовсэс Калакантуаци 1984, 124; Новосельцев 1990, 145].

Такая же двойственность сквозит и в облике небольших одноапсидных, однефных христианских храмов сельской Таврики, выполненных на глине, без раствора, отчасти в технике *opus spicatum*, якобы характерной именно для болгар, салтово-маяцкого населения полуострова [Баранов 1990, 133 - 139; Баранов 1994, 29 (автор связывает с тюрками пять "салтовских церквей": в Героевском, Пташкино, в Поворотном, на Тепсене и Кордон-Обе); Майко, Фарбей 1995, 74; Айбабин 1997, 7]. Но те же исследователи признают, что эти храмы представляли тип византийского культового сооружения [Баранов 1990, 139]¹³. В ряде случаев они были воздвигнуты на фундаментах предшествующих византийских базилик, то есть сохраняли культурный, ментальный континуитет [Романчук 1976, 9-23, рис. 4; Баранов 1990, 133 - 139, рис. 52, 53]. К тому же отнюдь не каждый такой памятник обязательно сопровождался кладкой "елочкой" и отсутствием перевязки углов. Отсутствие погребений внутри сельских храмов, якобы не характерное для византийских церквей того времени (что, как и утверждение об использовании в ромейской кладке исключительно раствора, является грубой натяжкой), с лихвой компенсировалось наличием по соседству христианских кладбищ. Зато повсеместно присутствуют находки стеклянных лампад [см.: Айбабин 1999, 205], которые были необходимой принадлежностью христианского культа и которые недаром рассматриваются византинистами в качестве своеобразного индикатора распространения ромейской культуры [Сорочан 1999, 65 - 67].

Невозможно сомневаться в греческом облике эмпория Парфениты (*εμποριου λεγομενου Παρθενιτον*), важного полифункционального, торгового и церковного центра сельской округи южнобережной Таврики. Размещаясь у подножья Аю-Дага — "Святой горы", он был окружен многочисленными средневековыми поселениями с христианскими храмами, монастырями, отдельно стоящими культовыми строениями [Лысенко, Тесленко 2002, 63]. Эмпорий имел большую (17 x 12 м), украшенную узорчатой вымосткой пола, неоднократно ремонтируемую и перестраиваемую трехнефную сводчатую базилику св. Апостолов Петра и Павла, которая с трех сторон была окружена портиками, монастырь, располагал византийской духовной и, очевидно, светской администрацией, на что указывают текст Жития Иоанна Готского и находка моливдула епископа Готфии, судя по сфрагистическому типу, второй половины VIII - первой половины IX вв. [см.: Колонтович 1871, 88 - 147; Релников 1909, 91 - 140; Якобсон 1959, 197; Якобсон 1970, 24, № 53; Паршина 1991, 64 - 100; Адаксина, Кирилко, Мыц 1999,

¹³ Впрочем, называть их "базиликалами с постропильными крышами и циркульными апсидами" некорректно, ибо базиликальная форма не предполагает однефность [ср.: Баранов 1994, 29].

21 - 24; Адаксина, Кирилко, Мыц 2001, 19 - 26; Адаксина 2004, 6 - 7; Житие Иоанна Готского 1912, 398, 420-422, гл.6; Отчет 1894, 9; Пятышева 1963, 32-34; Соколова 1991, 209, № 33; Соколова 1992, 196]. Результаты раскопок свидетельствуют, что ремонтные работы и перестройки в здешних жилых усадьбах VIII - IX вв. велись в технике кладки *opus spicatum*, но вперемежку с другими строительными приемами [Паршина 1991, 69 - 70]. Если это делали болгары, их невозможно вычленить из общей массы обитателей богатейшего приморского поселения - торжища, вероятно, игравшего роль локального, регионального панигира - ярмарки для окрестных южнобережных сел [Сорочан 2001, 324 - 325].

Примечательно, что порт и портовый посад соседней с Парфенитами Сугдеи, по мнению М.А. Фронджуло, ведшего здесь полевые исследования, был укреплен уже в VI - VII вв., причем строители использовали кладку стен на извести, принятую у римлян, в сочетании с классической *opus spicatum* [Фронджуло 1974, 139 - 141, 150, рис.2 - 3]. Портовая часть города площадью около 4,5 га располагалась на террасах шириной около 18 м и высотой от 0,5 до 3,0 м между южными склонами гор Дженевет-Кая и Полвани-Оба. С севера, со стороны суши она была защищена сплошной линией крепостных стен, которые, судя по участку внутреннего панциря куртины XV, могли быть выложены в технике кордонной кладки (логом и тычком), хорошо знакомой уже позднеримским строителям, а единственный со стороны моря подход к важной в стратегическом отношении горе Крепостной был укреплен мощной башней. Со стороны берега моря, находившегося в 50 м, оборону несла почти квадратная, отдельно построенная римская башня бургового типа (15,60 x 14,99 м или 50 x 48 византийских футов), которая имела арковидные ворота в сторону берега и несколько этажей, судя по толщине стен (от 1 м до 2,17), а также наличию выступов - оснований для каменных лестниц. Она была снабжена водоотводной траншеей с дном из глины, обмазанной известковым раствором, вымощена двумя слоями плит песчаника на извести, и таким же раствором были скреплены ее стены, выложенные в технике кордонной кладки с сочетанием блоков, поставленных на ребро и поперек стены. Но самое примечательное, что у этого типичного позднеримского - ранневизантийского оборонительного сооружения, над которым работали явно не турки или хазары, кладка внутреннего панциря самой широкой северной стены и внутренний панцирь восточной стены выполнены из серого плиточного песчаника в классической технике *opus spicatum*. На восточной стене сохранились ее четыре ряда, а на северной - семь, причем над ними расположен ряд плиток толщиной от 0,05 до 0,15 м, уложенных плашмя на цементном растворе меньшей толщины, как в соответствующих кладках *opus mixtum* VI в. [подр. см.: Джанов 2004, 59 - 70, рис.4 - 8; Вус 2003, 38]¹⁴.

Тот же прием *opus spicatum* был использован при возведении жилой постройки, датированной рубежом VII - первой половиной VIII, однако даже сторонник ее прабогарского "авторства" вынужден был заметить, что это был городской тип жилого сооружения и что его оставило население, изначально находившееся в тесных контактах с Византийской империей [Баранов 1990, 151; Баранов 1991, 149 - 158; Баранов Майко, Джанов 1997, 39, рис. 28; Баранов, Майко 2000, 84; Майко 2000, 289]. Очевидно, эти неверно интерпретированные материалы послужили Е.В. Степановой для

¹⁴ Об аналогичных башнях на позднеримских границах см.: Коннолли 2001, 301.

ошибочного заявления, что "...на территории порта, непосредственно на полах византийских разрушенных построек, были возведены хазарские жилища" [Степанова 2001, 100 - 101]. На самом деле ничего сугубо хазарского в них нет, как нет и признаков некоей "гнездовой" планировки, типичной для хазарских городов [ср.: Плетнева 2003, 90].

В портовом районе Сугдеи обнаружены остатки еще одного, прямоугольного в плане дома, который существовал приблизительно во второй половине VIII - X вв. Восточная его стена была тоже сложена в технике кладки *opus spicatum*. Но в составе домашней утвари присутствовали сероглиняные гончарные горшки, какие делали в слободе Сугдеи, широко распространенные ойнохои баклинского типа, белоглиняная поливная столовая посуда, амфоры (одна из них с граффито в виде трезубца), высокогорлые кувшины, пряслица, тигилек для выплавки цветных металлов, ножи, астрагалы, то есть обычный набор зажиточного хозяина, можно добавить, живущего в грекоговорящем городе вполне ромейского облика и, судя по многочисленным моливдулам, связанного с ромейской администрацией, официальными лицами Константинополья, южночерноморских провинций, Херсона и, вероятно, самой Сугдеи (если к таковым отнести личные печати с ромейскими именами, но без указания санов и должностей) [ср.: Баранов, Степанова 1997, 83 - 86; Степанова 2001, 97 - 108; Булгакова 2002, 37; Степанова 2002, 231 - 233; Сорочан 2002, 516 - 520; Сорочан 2004, 333 - 347; Гурулева 2004, 364 - 388]. На фоне перечисленного не просто удивляют — ошеломляют выводы о том, что дом был связан... с салтово-маяцкой культурой, а весь район был "плотно освоен хазарами" [Баранов, Майко 1997 а, 43-47; Плетнева 2003, 90]. Собственно, те же данные приводятся для "праболгарского" жилья (одно-двухкамерных домов, иногда с мощеными плитами двориками), существовавшего в городе во второй половине X - начале XI вв., случалось, возведенного на стенах предыдущих построек и тоже сложенного техникой кладки "в елку", но уже в качестве доказательства смены культуры с салтово-маяцкой на тюркскую и присутствие тюрков как основного населения [см.: Майко 2004, 201 - 244]. И это невзирая на то, что историческая топография Сугдеи практически не изменилась, а домам, расположенным на террасах, упицами, сопутствовал характерный провинциально-византийский облик подавляющей массы керамики — тары, посуды, прочий инвентарь, бытовые предметы из железа, кости, цветных металлов, среди которых считанные находки можно, да и то с большой натяжкой, связать с некрещеными сугдейцами (пара лепных горшков обычной баночной формы, похожие на позднепеньковскую керамику Поднепровья, такой же светильник - плоска открытого типа, вполне бытовой по характеру зольник — небольшое скопление отработанных напластований угля, золы, пачины, обломков гончарной византийской керамики, амфор с зональным рифлением, столовой, кухонной посуды с внешней стороны куртины XV, фрагменты двух терракотовых моделей храма, якобы принадлежавшие огнепоклонникам, свастика на замковом камне, звезда Давида, процарапанная на сланцевой плитке рядом с двумя перечерченными линиями).

Необоснованным выглядит также заявление о захвате Сугдеи болгарами в 30-е гг. VIII в. и сохранении города как праболгарского до 40-х гг. X в., хотя в горизонте Сугдеи этого времени явно преобладают типичные провинциально-византийские массовые материалы, а около берега моря, в порту — византийские свинцовые моливдулы как

VI - VII, так и VIII - IX вв. [ср.: Баранов, Майко 2000, 83 сл.] Хазарский отряд, если он здесь был во главе с "правителем по имени Георгий, по фамилии Тархан", учитывая сложное положение, в котором оказались хазары в результате поражений от арабов в 728 - 733 г. и 737 г., мог появиться в городе не ранее 40-х гг. VIII в., когда спала угроза со стороны халифата¹⁵. Влияние при этом византийской имперской администрации прослеживаемое по печатям, объяснимо только признанием кондоминатного статуса Таврики и самой Сугдеи, а никак не ее ролью "столицы Крымской Хазарии". Как уже было сказано, на эту роль столь же безосновательно тянуть Боспор.

Деятельность праболгар пытаются видеть в еще одном, необычно крупном сугдейском доме - пятистенке (11,95 x 7,10 м), стены которого сложены "... в типичной для крымских салтовцев технике кладки "в елку" [Баранов, Майко, Джанов 1997, 41]. Как правило, такие дома, распространенные на южнобережных провинциально-византийских поселениях, имеют меньшие размеры: 5,5 x 10 м, 5,5 x 13 м и 5,8 x 10,5 м. Принято считать, что в первой половине IX в. они вытеснили однокамерные постройки [Баранов 1986, 247]. Нижний горизонт большого дома, фундамент которого, очевидно, сложен на известковом растворе, датируется концом VII - VIII в. на основе находки типовой бронзовой византийской пряжки с щитком в виде креста. Вместе с тем керамический комплекс раскопанного помещения относится к середине X - началу XI вв. и содержит значительное количество археологически целых форм не только лощеной керамики, но главным образом тонкостенной, различные амфоры, в том числе импортную, возможно, константинопольскую, с грушевидным туловом, коллекцию византийской поливной белоглинной посуды, высокогорлые кувшины, кухонную сероглиняную посуду, настолько универсальную, что ее с большой натяжкой можно считать непременно салтово-маяцкой [Баранов, Майко, Джанов 1997, 40, рис. 28. 3]. Вообще, число таких комплексов невелико и к настоящему времени сводится лишь к семи хозяйственным и жилым постройкам, в большинстве своем сооруженным в портовой части города на пустующих территориях (вскрытая площадь составляет здесь около 650 м², то есть не более 5% от общей площади городища) [см.: Баранов, Майко 2000, 83 - 90]. Таким образом, говорить о тотальном разрушении византийских строений и повсеместном расселении салтовцев не приходится даже для приморской части Сугдеи VIII - IX вв. [ср.: Баранов 1991, 149].

В той же технике *opus spicatum* были сложены стены металлургической мастерской с горном, сооруженной в первой половине X в. у западного откоса ворот города, на участке куртины XV [Баранов, Майко 1996, 85, рис. 1; Плетнева 1999, 159]. Она

¹⁵ Если следовать армянской версии Жития Стефана Сурожского, его герой не мог вернуться в Сугдею ранее 749 г. после продолжительного, примерно с 740 г. пребывания в Константинополе и, значит, только тогда, во второй срок его епископства, мог астретиться в городе с упоминаемым эгиографами Георгием Тарханом, которого здесь не было прежде [Le supahagie 1930, 867 - 872; Иванов 2002, 42 - 43]. Поэтому не исключено, что слова, с которыми Стефан обратился по прибытии к своей заброшенной пастве ("Смотрите братья, сколько событий случилось у вас и у нас в эти трудные времена, но Бог в своем всемогуществе послал Его противников и укрепил вас в любви и стремлении к Нему"), как раз свидетельствуют о стабилизации обстановки после появления хазарского военного присутствия в городе и установления в дополнение к византийским властям контроля еще и со стороны каганата, как того требовали условия режима кондоминиума.

сохранилась плохо, но нет оснований относить ее к салтовским памятникам. Горизонтальные ряды кладки, перемежающиеся с рядами диагональной кладки *opus spicatum*, то и дело встречаются позже, в жилых постройках Сугдеи XI - XII вв. Например, их можно обнаружить в портовом районе, когда город являлся крупнейшим военно-административным центром Юго-Восточной Таврики в составе Империи ромеев, обладал мощными крепостными и портовыми сооружениями, имел над собой власть стратига (около 60% обнаруженных здесь византийских печатей, в том числе и протоспафария Георгия, стратига Сугдеи, относятся к X - XI вв.) [Степанова 2001, 104 - 105]¹⁶. Наконец, в этой же технике выполнена стена восточной пристройки к католическому костелу Девы Марии, сооруженному уже при генуэзцах около центральной городской площади Солдайи. Разумеется, они не имеют никакого отношения к салтово-маяцкой застройке и хазарам.

У с. Морское была обнаружена железоделательная мастерская с круглым в плане и полусферическим сверху горном со стенками из обожженной глины, диаметром 0,9 м и высотой 0,5 м, на основании из крупных камней песчаника, которая действовала приблизительно на рубеже VII - VIII вв. [Майко 1996, 127 - 148; Майко 1998, 130; Майко 2000, 289, 294]. Со временем она была обнесена каменными стенами, частично сложенными из крупной гальки в технике *opus spicatum*. Но примечательно, что инвентарь мастерской, даже если допустить ее принадлежность выходцу из числа болгар, не включал чего-либо инородного, принципиально отличного от того, что могло оказаться у любого провинциально-византийского мастера – свинцовый тигель для литья, пряслица из амфорных стенок, ножи, фрагменты конской упряжи, астрагалы, сланцевое прясло, грузила и терочки из гальки, обломок сабли, а также, что особенно важно, железное навершие в виде кованого креста с горизонтальным крючком для крепления к деревянному посоху и фрагменты стеклянных рюмкообразных сосудов, которые использовали во время причастия или в качестве лампад и которые, как уже сказано, могут служить своеобразным индикатором византийской культуры. Субъективность выводов исследователя нвсчет этого эргастерия проверяется объективностью подачи им материала, который заставляет его признать, что "набор изделий... типичен для раннесредневековых памятников полуострова и не является ни датирующим материалом, ни источником для этнической атрибуции" [Майко 2000, 294].

Изредка кладка "в елку" использовалась в конструкции типично христианских раннесредневековых погребальных сооружений, к числу которых относятся четыре склепа на участке куртины XIV Судакской крепости, два склепа на могильнике Судак - II в западной части посада Сугдеи и вырубленная в сланце могила 59 могильника Кордон - Оба (с западной стороны горного массива Кара-Даг), где явно были похоронены христиане, на что указывает труположение без какого-либо инвентаря, в гробах, на спине, с вытянутыми ногами и кистями рук, сложенными на тазе [Баранов 1990, 154 - 156; Майко 2002 г., 149 - 150, рис. 1 - 2; Майко 2001 а, 39 - 40, 41; Майко 2001 в, 167]. В судейских кладбищенских сооружениях кладка *opus spicatum* была использована при кладке либо стенок дромоса, иногда со ступенями, либо боковых стен самих погребальных камер. Но в остальном это не катакомбы, а типичные провинциально-визан-

¹⁶ Если в Сугдее и поселилась группа печенегов, она расселилась в крепости как отряд федератов [см.: Джанов, Майко 1998, 160 сл.].

тийские склепы, в одном случае с двумя боковыми нишами - локулами, и хотя они сложены на глине из бута и песчаника, коробовый свод их укреплен за счет кладки из обработанных блоков на известковом растворе. После совершения первых одиночных захоронений, в том числе в гробу, сюда стали помещать тела других умерших, так что склепы в скором времени превратились в многоярусные погребения (в них насчитывается соответственно свыше 20 и свыше 80 черепов). Судя по немногочисленному, как и полагалось у христиан, погребальному инвентарю вполне провинциально-византийского облика (бронзовые перстни со вставками из синего стекла, обычные гладкие височные кольца, серьги с подвеской в виде шарика, подвески пуговичной формы, стеклянные витые или гладкие, с росписью браслеты, разнообразные бусы, крупная перламутровая пуговица, две раковины каури, железная круглая пряжка, фрагмент ножа, две золотые пуговицы, серебрянная серьга, нательные бронзовый и железный кресты), склепы функционировали в VIII - IX вв., длительное время, более 150 лет [Майко 2002 г, 149 - 150].

Особенно примечателен склеп №3, в потолке которого имелся железный крюк для подвешивания лампадофора или свечника, а на восточной стене краской по штукатурке был аккуратно прорисован процветший крест с христомграммой и той же краской, но более небрежно выполнен греческая надпись "Аминь. Упокой, Господи, имярека" [Виноградов, Джанов 2004, 414 - 416, №8]. К наиболее раннему погребению относился костяк мужчины 30 - 40 лет, ориентированный, как положено у христиан, головой на запад, с железным нательным крестом. На черепе его имелось прижизненное повреждение, нанесенное чем-то острым. Однако всего этого недостаточно, чтобы считать эти усыпальницы принадлежащими "тюркской родовой знати" и тем более местом захоронения легендарного Георгия Тархана, который, если верить агнографии, был в городе в 40-е гг. VIII в., во времена предстоятельства Стефана Сурожского [ср.: Баранов 1994, 28]¹⁷. Храм над этим склепом - криптой вместе с соседним

¹⁷ В.В. Майко менее категоричен, но тоже безосновательно полагает, что под помпильным храмом в крипте - костнице находилось "погребение знатного тюрка, принявшего христианство" [Майко 2002 г, 150]. Еще более ошеломляюще звучит заявление о "...совмещении христианских и иудейских черт в погребении тюрка-прабалгарина", якобы совершенном в склепе второй половины IX - X вв. на северо-восточном участке посада Сугдеи (возле гостиницы "Горизонт"), поскольку речь идет об очередном обычном каменном склепе византийского типа, прямоугольной формы (3,2 x 2,1 м), сложенном из блоков ракушечника на извести. Единственными "салтовскими" находками здесь явились "бронзовая печатка" и несколько "пуговиц - подвесок", которые невозможно считать этническим маркером даже салтовца, не то что некоего "конфессионального кентавра", Полухристианина - полуиудея тюркского происхождения. Судя по обломкам черепа и многочисленным разрозненным костякам, склеп, расположенный в трехстах метрах от стен Сугдеи, тоже использовался для многоярусных погребений, и вывод этот не может быть поколеблен наличием по центру склепа некоего первоначального костяка, ориентированного на восток-запад и положенного на песчаную подсыпку [см.: Майко 2002 г, 150 - 151, рис.3]. К слову, эти одиночные центральные погребения, лежащие в относительно анатомическом порядке, могли быть не первыми, самыми ранними, как полагает исследователь, а напротив, самыми последними, для чего предыдущие костяки сдвигали в сторону, освобождая место. Так было принято делать не в костницах, куда переносили из других церковей части костяков, а в обычных многоярусных мирских усыпальницах - кимитирьях, к числу которых, несомненно, относятся и сугдейские [ср.: Сазанов 2001, 43 - 45].

склепом в пределах пристройки к храму явно носил поминальный характер и являлся типичным ромейским мартирием. Использование элементов кладки *opus spicatum* при его сооружении нисколько не противоречит такому заключению.

Рюмкообразный знак, видимо, сарматский или тюркский "двузубец", зафиксирован на каменной обкладке плитовой могилы №46 некрополя Судак-II и детского погребения №8 некрополя Судак-VI, причем в последнем случае ему сопутствовало изображение креста [Майко, Фарбей 1995, 79, рис. 2, 4; Майко 2001 а, 41, рис. 2, 3]¹⁸. Следовательно, для похороненных таким образом их этническое происхождение, антропологические признаки были теперь второстепенными, а ромейское влияние, проявлявшееся в массовой христианизации, стало первичным, основополагающим. К тому же невозможно понять, на чем зиждется заявление о том, что, в отличие от городского кладбища Судак - VI, на некрополе Судак - II "...фиксируются уже исключительно христианские праболгарские могилы и склепы" [Майко 2003 а, 64].

Даже обычные грунтовые могилы ошибочно видятся "салтовскими" или "праболгарскими" только потому, что они грунтовые, хотя в этих могилах лежали погребенные с нательными крестами, как это видно на примере могильника Кордон-Оба [Майко 2001 г, 78; ср.: Баранов 1990, 128, рис. 48, 9, 13]. Примечательно, что там же, на Кордон-Оба, обнаружены остатки христианского храма, сложенного после перестройки, как и дома, опущенные в неглубокие котлованы, с использованием приема *opus spicatum*. Сначала он был упрощенный, однонефный, без нартекса и притвора, а позднее к его торцовой стене с дверным проемом был пристроен притвор, важный для соблюдения правил богослужения [Баранов 1990, 135; Плетнева 2003, 92]. Некрополь и поселение Кордон-Оба в свою очередь соседствуют с городищем на холме Тепсень – важным церковным центром. В.В. Майко признает, что это были "сильно византизированные" города и поселения полуострова, но в то же время объявляет их исключительно праболгарскими или салтово-маяцкими [Майко 2001 в, 164 - 169; Майко 2003 а, 63]. При этом любое грунтовое погребение на окрестных кладбищах IX - первой половины X вв. исследователь автоматически причисляет к праболгарским, а плитовое – к христианским, хотя и те, и другие были синхронны, лежали попеременно, в них наблюдается "практически полное отсутствие погребального инвентаря" и принятая у христиан ориентация на юго-запад [Майко 2003 а, 60 - 63, рис. 1 - 2].

Между тем исследование погребальных обрядов многочисленных плитовых могил Восточного Крыма второй половины VIII - первой половины X вв. (у Тиритаки, Эльтигена, с. Михаловка, Новониколаевка, на территории Нимфея, у с. Осовины, у пос. Героевское, Белинское, Пташкино) показывает, что они имеют особенности: каменные обкладки, арковидные ниши - аркосолии в изголовье, отсутствие в могилах туш и частей животных, птицы, салтовской посуды (при наличии единичных "модных" украшений салтовского облика – перстней, рифленых бубенчиков, серег с дисками-пронизками, с подвесками), что не говорит о каком-то этническом своеобразии или религиозном синкретизме некой "Крымской Хазарии", но о мощном влиянии на погребальный обряд местных, прежде всего христианских, а значит, ромейских культурно-исто-

¹⁸ С.А. Плетнева путает изображение креста с семисаечником и предполагает принадлежность могилы "хазарину-иудею", каких, как и иудеев-евреев, "было в ту эпоху много в торговых морских городах Крыма" [Плетнева 2003, 90].

рических реалий [Пономарев 2001, 116 - 118; Пономарев 2002, 145 - 158; Пономарев 2004, 445 - 456; ср.: Майко 2001 а, 40]. Погребения с лепной округлобокой и подправленной на гончарном круге керамикой, а также трупосожжения, встречающиеся в Подонье, на территории Таврики не известны [Майко 2000, 291]. Еще раз следует подчеркнуть, что практически все здешние захоронения, даже если считать их принадлежащими тюрко-болгарам, были совершены по христианскому обряду и нередко (до 8 - 10%) имели плиты с изображением креста в изголовье, возле ног или в перекрытии над головой погребенного [Корпусова 2002, 132 - 134]. Никакого "ритуального разрушения" покойников в них не наблюдается: в двойных, тройных, многоруслых захоронениях, привычных для ромейских кимитириев, сдвиг более ранних костяков в могиле был вполне естественен, а костей ног, таза в качестве обряда обезвреживания им никто не ломал [ср.: Плетнева 2003, 93; Бармина 1995, 82 - 83; Пономарев 2004, 458 - 460]. Наличие редкого рюмкообразного изображения, скорее всего, стилизованной сарматской или тюркской тамги на плитах некоторых могил IX в. могло указывать на этно-родовой признак умершего, как это видно на приведенном выше примере погребения № 8 могильника Судак - VI, но и тамга подчеркнута осенялась соседством врезного креста [Баранов 2002, 25 - 28, рис. 1].

Очевидно, болгары предпочитали селиться на пустующих землях. Поэтому иная картина наблюдается в некоторых районах Центрального и Северо-Западного Крыма. Пока только во впускных подбойных могилах в кургане около городища Кара-Тобе и в Сары-Булате, кургане близ с. Портовое, а также в погребении VII - VIII вв. на окраине с. Кропоткино Раздольненского района удалось зафиксировать кости лошади, овцы, остатки тризны, то есть отчетливо выраженные признаки единичных языческих погребений воинов-кочевников. Отдельные предметы и керамический материал салтово-маяцкого круга встречаются на Сакской пересыпи, городище Кара-Тобе, Чайка, у поселка Мирный, на Южно-Донузлавском, Западно-Донузлавском и Аблемитском городищах, у с. Хмельво, на Беляусе, городище Кульчук, у сел Оленевка, Кузнецкое, Владимировка, Стерагущее, Кропоткино и на Лебяжьих Островах, но тут же или неподалеку, на соседних поселениях, могильниках были сделаны находки предметов материальной культуры провинциально-византийского круга (амфоры, посуда, пряжки, известняковое надгробие с греческим крестом), могилы с типичной для христиан ориентировкой погребенных на запад (Заозерное, Сакский район), херсонские и византийские монеты VIII - X вв., а также обнаружены следы навигационной системы (сооруженный из камня маяк около с. Окуневка - Тарпанчи) [см.: Кутайсов 2002, 157 - 158; Кутайсов 2003, 274 - 286]. Здесь, в районе Сакского и Сасык-Сивашского озер, видимо, велась добыча соли, которую вывозили в соседний Херсон.

Остатки построек VIII - первой половины X вв. со стенами, сложенными в технике *opus spicatum*, хорошо сохранились на бывшем античном и скифском городище Карлос-Лимен (двух-трехкамерные вытянутые в плане постройки с дерновыми крышами и полуподвальное помещение), а также в центре городища "Чайка", расположенного в 7 км к западу от Евпатории [Яценко 1974, 368; Кутайсов 2002, 156]. Последнее особенно примечательно, поскольку эта кладка часто фигурировала здесь уже в стенах скифских жилых и хозяйственных построек I в. до н.э. - I в. н.э. (Северный квартал и Запад II) [Попова 1998, 187].

Булгарские же стойбища - аилы VIII в., такие как полностью исследованное в уро-

чище Тау-Кипчак в верховьях р. Зуя, в районе Симферополя, заметно отличались от византизированных поселений. Тау-Кипчак возникло в процессе оседания пришло-го праболгарского либо пеньковского населения Южного Поднепровья и состояло из группы прочно расставленных прямоугольных полуземлянок столбовой конструкции или со стенами из мелкого буга "в елку" [Баранов 1971, 283-284; Баранов 1972, 248-250; Баранов 1981, 59 - 64, рис. 2, 3; Якобсон 1973 а, 133; Айбабин 1999 а, 190 - 194, рис. 80; Славяне 1990, 305 - 306; Плетнева 2003, 31]. Крыши их были из обмазанных глиной камыша или соломы на деревянных лагах, а отопительным устройством служили как каменные или глинобитные печи вполне ромейского облика, так и открытые очаги. Среди материалов Тау-Кипчака присутствуют как амфоры, так и керамика салтово-маяцкого типа второй половины VIII - IX вв. Им предшествуют немногочисленные находки амфор последней четверти VII - первой половины VIII в. из хозяйственных ям у некоторых землянок (три комплекса), и, значит, можно говорить о существовании поселения уже с этого времени [Баранов 2004, 23-25, рис. 1]. Похожие, но бесстолбовые землянки, причем не с глинобитной печью в углу, а только со слегка углубленным очагом посередине помещения обнаружены в Евпатории¹⁹. Но датировать их рубежом VII - VIII вв. и связывать с "первой волной" хазарского проникновения на полуостров следует с большой осторожностью [см.: Могаричев 2004, 175, прим. 8; Сазанов, Могаричев 2004, 88 - 89].

В Юго-Западном Крыму таких "эталонных" сооружений вообще нет. Брахимегацефальность погребенных в плитовых могильниках тоже не увязывается с болгарской принадлежностью брахицефалов, выбранной антропологами в качестве признака салтово-маяцкой культуры [Беневоленская 1970, 196 - 223]. Отсутствуют здесь и признаки кочевнического хозяйства и быта. Даже там, где в составе инвентаря, наряду с амфорами, гончарной, стеклянной столовой посудой, рюмкообразными сосудами, обломками железных крестов, присутствуют немногочисленные, но типичные для салтовской керамики горшки с волнистым или линейно-волнистым орнаментом, сельские дома строились по типу небольших провинциально-ромейских усадеб с огороженным двором, с домами из двух-трех помещений со стропильным, жердевым перекрытием и соломенной или земляной, дерновой крышей, хозяйственными постройками, вкопанными в землю большими пифосами для хранения зерна, иногда - с навесами, поддерживаемыми известняковыми колонками. Именно такие сооружения преобладают на поселениях в долинах рек Бельбек и Качи, Байдарской долине, недалеко от Чуфут-Кале на плато Кыз-Кермен [Якобсон 1970,

¹⁹ Аналогии им встречаются в Восточном Крыму, например, у приморского с. Героевского (Эльтиген), у с. Пташкино и на склоне холма Кордон-Оба [см.: Гадло 1968 а, 80 сл.; Гадло 1980, 134-135; Баранов 1990, 41, 47]. Примечательно, что почти одновременно с землянками, но, видимо, ближе к IX в. на этих поселениях стали сооружать уже дома - усадьбы иного облика - с огороженным двором, отдельно стоящими хозяйственными постройками, каменными печами, эпизодически применяя кладку *opus spicatum*, причём стены построек были сложены как с использованием саманных кирпичей на каменном основании, так и по ромейской традиции, целиком из камня [Гадло 1971, 74; Баранов 1990, 50-51]. Относить их исключительно к продукции болгарского этноса весьма сомнительно. Отдельные и немногочисленные вещи салтоаского круга, скорее, дань моде и следствие культурных контактов разных, хотя и "параллельных" миров, проходивших сплав в рамках византийско-хазарского condominiuma.

103 - 110; Белый, Назаров 1992, 132-142; Белый 1993, 49-63; Белый 2001, 189 - 229] в балке Горный Ключ [Романчук, Омелькова 1979, 94-103], на плато Пампук-Кая, близ с. Гончарное [Якобсон 1970, 111 - 117]²⁰, у Загайтанской скалы в Инкермане и некоторых других местах [Веймарн 1963, 63 - 67; Якобсон 1970, 59 - 103; Романчук 1980, 81]. Кладка *opus spicatum* тут применялась весьма эпизодически, главным образом при возведении каменных цоколей. Однако прочие строительные элементы (отсутствие иногда фундаментов, перевязки стен в углах, использование разномерного бута без связующего раствора, глинобитно-жердевых турлучных конструкций), равно как открытые очаги и глинобитные полы в помещениях с большой натяжкой можно связать только с булгарами.

А.Л. Якобсон, рассматривая в целом тип жилого дома сельской Юго-Западной Таврики и его параллели, справедливо заметил, что многие черты такого дома представляли непосредственное наследие античности, нередко наблюдались в первые века н.э., и даже турлучная строительная техника была глубоко традиционна: она бытовала в Крымском нагорье многие века и дожила почти до наших дней [Якобсон 1970, 118 - 119, 185]²¹. Главное – быт обитателей этих усадеб, очевидно, участвовавших в возведении расположенных по соседству типично провинциально - византийских трехнефных базиликальных христианских храмов²², состав домовшней утвари, рабочих ин-

²⁰ На погребальных остраконах VIII - IX вв. из могильника у с. Гончарное обращает внимание наличие изображения так называемого просфорного креста – креста в круге со священной формулой "Иисус Христос Ника" (ΙΧΧС ΝΙΚΑ), который употреблялся в особых случаях, связанных с таинством Евхаристии, изображением "хлеба живого" и с внешней атрибутикой христианской погребальной практики [Уваров 1908, 217; Корпусова 2002, 135], что указывает на особенно глубокое воздействие ромейской культуры на гетерогенных обитателей здешних усадеб.

²¹ До него это же заметил М.А. Фронджуло [1968, 119 - 120].

²² А.Л. Якобсон отмечал упрощенность их конструкции и укороченность пропорций, а также "отчужденность ... от зодчества соседнего Херсона, где базилика как форма общественного здания в VIII в. уже отмерла" [см.: Якобсон 1970, 121 - 132]. Последнее не соответствует действительности, ибо базиликальные храмы Херсона продолжали активно эксплуатироваться в течение "темных веков", наглядно демонстрируя свое устройство окрестным жителям, паломникам. Кроме того культовые здания подобной планировки соорудили в городе после X в., причем даже в центре, в VII квартале, а также на месте базилики 1935 г., "базилики в базилике" (№15) и "базилики на холме" (№14) [Романчук 2000, 223 - 225, 227, 228; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, 151 - 157, 163 - 172]. Стоит также заметить, что общие пропорции и основные элементы у херсонских и прочих крымских храмов совпадали, даже такие, как наличие галереи с южной стороны. Херсонские базилики функционировали в VIII - IX вв. и, следовательно, служили образцом для сельских подражаний. Последний опыт базиликального строительства в городе относится к концу XI - XII столетию, когда такого рода сооружения выполняли роль приходских храмов, где служили только утреню и вечерню, праздничные литургии, крестили, исповедовали, венчали и погребали прихожан [Сазанов 1999, 276 - 290, рис.1]. Выходит, даже появление крестово-купольной архитектуры не заставило херсонитов целиком отказаться от распространенного вида общественного сооружения, ставшего привычным за многие века. Видимо, в VIII - IX вв., когда строилось большинство сельских храмов Таврики, крестово-купольный тип храма еще только утверждался в Херсоне и на Боспоре и для его возведения требовались особенно опытные мастера, способные работать со сводом, каких деревня дать не могла.

струментов, характер основных занятий не выдают носителей исключительно тюркского или иного пришлого этноса. Если его примесь и была здесь, она сравнительно быстро и почти целиком растворилась в местной ромеизированной среде аланских и готских общин. Объясняется это мощным и длительным экономическим, политическим, идеологическим, культурным влиянием Византии, тесные контакты с которой в Таврике способствовали аккумуляции ромейских черт у местного гетерогенного населения, что в свою очередь вело его к интеграции совершенно нового порядка.

На сравнительно крупных городищах, таких как Бакла, влияние болгар ощущалось еще слабее. Прием кладки в технике *opus spicatum* появился здесь в VI - VII вв., вместе с городищем, и сохранялся вплоть до XIII в. Однако стены строились вперевязь, а первый ряд — фундамент заглублялся на 5 - 10 см ниже уровня пола, что, как уже отмечалось, было несвойственно салтовцам, равно как и выкладывание углов помещений крупными камнями или блоками [Рудаков 1975, 25 - 28; Рудаков 1979, 107 - 108]. Вообще, следы салтово-маяцкой культуры весьма незначительны и сводятся к нескольким горшкам [Рудаков 1979, 109, рис.2]. Столь же мало "деревенской" лепной, лощеной посуды — горшков, мисок, причем она скорее позднескифского облика и по количеству не идет ни в какое сравнение с кружалной. Это и не удивительно, если вспомнить, что Бакла являлась в VIII - IX вв. крупным гончарным центром, продукция которого, особенно ойнохоэвидные кувшины, даже шла на вывоз за пределы Крымского полуострова. Знаки-метки, в том числе на пифосах и на черепице, калиптерах, напоминают салтовские ("тамга", трезубец, свастика, крест), но и они единичны [Рудаков 1979, 109, рис. 1, 3]. Прочий бытовой, хозяйственный, производственный инвентарь, в том числе из помещений со стенами, сложенными с использованием кладки *opus spicatum*, ничем не отличается от типично ромейского [см.: Рудаков 1977, 13 - 19]. Показательно, что кровля баклинских домов была как черепичная, так и из веток кустарника, обмазанных глиной, в чем видится, разумеется, не этнический момент, а сугубо имущественный, указывающий на степень состоятельности владельцев усадеб и разность характера построек.

В 500 м к западу от городища под скальной часовней размещался, возможно, монастырский комплекс, в состав которого, наряду с "кельями", хозяйственными сооружениями, высеченными в скале, входил храм на холме и участок более позднего плитового христианского могильника конца IX - XII вв. [Ачкинази, Петровский 1997, 31; Петровский, Труфанов (1995) 1996, 136 - 144]. Храм был сложен из небольших плоских камней подпрямоугольной и подтреугольной формы на глиноземе с толщиной двухлицевой кладки 0,9 м. К его апсиде примыкала какая-то небольшая пристройка, для возведения которой применили *opus spicatum*²³. Такое сочетание не позволяет говорить о том, что ее мастерили инородцы и тем более иноверцы.

С.А. Плетнева отмечает, что вдоль побережья Юго-Западного Крыма известно около двадцати поселений со слоем "хазарского времени", но она вынуждена согласиться с тем, что следы пребывания собственно хазар археологически прослеживаются сла-

²³ Ю.М. Могаричев не видит оснований считать здешний комплекс монастырским и относит его возникновение ко времени не ранее конца X в. [см.: Могаричев 1997], однако это не противоречит факту сооружения пристройки к храму строителями - христианами, которые были знакомы с приемом кладки *opus spicatum*.

бо, и фактически это были византийские поселения, "...на какое-то время, вероятно захваченные хазарскими войсками" [Плетнева 1999, 165; Плетнева 2003, 90, 93]. Признание же кондоминатности крымских владений Империи ромеев и каганата избавляет от необходимости делать и такое допущение. Безусловно, не только глобальные геополитические изменения на пространствах от Кавказа до Дуная, но и благоприятное положение как в сфере экономической, так и политической жизни края объясняет передвижение сюда в VIII столетии праболгар, салтовцев и греческую, малоазийскую иммиграцию из заморских пределов Романии. Византия и Хазария совместно эксплуатировали ресурсы и возможности Таврики, не покушаясь на ее особый статус, в какой-то степени охраняя покой, в котором зрело варево здешнего этнического котла включавшего ромеев, христиан и "толпы язычников" (*multitudine paganorum*), "присельцев из разных варварских народов" (*diversis barbaricis gentibus advenae*)²⁴. По образному выражению М. А. Артамонова, хазары "...создали плотину, запиравшую проход из Азии в Европу и прекратили вторжение в последнюю новых кочевых орд" [Артамонов 1962, 239]. Добрососадские союзные отношения с Византийской империей довершили картину благополучия Таврики, которая оставалась незамутненной по крайней мере до третьей четверти VIII в.

Немногочисленные, единичные погребения VIII - IX вв. свидетельствуют о том, что в Херсоне тоже были тюрки и носители салтово-маяцкой культуры [Тахтай 1948, 40 рис. 7, 8; Айбабин 1977, 235; Баранов 1989, 160]. Недаром здесь, на окраине Ромейской империи, в относительно сопредельных с Хазарией землях (*Chazarorum terrae vicina*), звучала хазарская речь, которую, очевидно, знали и понимали наравне с греческим и семитскими языками [Лавров 1930, 12; Житив Константина 1980, 77 - 78, гл. 8; *Epistola Anastasii* 1911, 141, §3]. О вхождении некоторой части салтовцев в состав населения города также могут свидетельствовать изготовленные в Херсоне кувшины с орнаментом в виде кругов и елочек, хотя для IX столетия пока можно говорить лишь об одной достоверной находке лепного сосуда салтово-маяцкого круга [Седикова 1997, 20].

Не изобиловали салтовцами и окрестности города. Так, *opus spicatum* встречается на поселении, кардинально перестроенном не ранее второй половины IX в. около Камышевой бухты, у дороги, связывавшей запад Гераклеийского полуострова с Херсоном [Яшаева, Созник 1983, 27, 41 - 48; Яшаева 1994, 79 - 80; Яшаева 1999, 349 - 356]. Место это было обжитое. Прежде на нем существовала античная усадьба с наделом №32, и жизнь не прерывалась в VI - VIII вв. *Opus spicatum* следует в некоторых стенах новых построек (пом. 9, 10) вперемежку с обычной кладкой, а материал поселения типично греческий, ничем не отличающийся от херсонского. Некоторые его черты указывают на общинный образ жизни. Маленькое здание, вероятно, однефный храм, воздвигнутый одновременно с очередной перестройкой поселка, говорит о том, что здешние обитатели были крещеными.

Opus spicatum можно встретить даже в кладке некоторых жилых и общественных

²⁴ Эти известные слова из письма Анастасия библиотекаря – ключ к пониманию истинного положения ромеев, греков в Таврике, которые не составляли здесь большинство, но степень влияния которых была неизмеримо больше численности [ср.: *Epistola Anastasii* 1911, 141 - 142, § 2 - 3].

сооружений средневекового Херсона. К примеру, в южном углу квартала С в такой технике местами выполнена кладка стен помещений, сложенных из полуобработанного известнякового камня на известково - грязевом связующем растворе [Золотарев, Ушаков 1997, 32]. Таким же образом были возведены из бутового камня коробовый свод и боковые стены небольшой, квадратной в плане одноапсидной гробничной молельни (примерно 5 x 3,5 м), пристроенной к середине южной стены Восточной базилики, предполагаемому херсонскому храму апостола Петра [Айналов 1905, 46; Якобсон 1959, 166-167; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, 577-584]. А.Л. Якобсон без достаточных оснований отнес ораторий к XII - XIII вв., ссылаясь только на характер кладки и облицовку штучными плитами, но вопрос остается открытым, тем более, что к настоящему времени от постройки не осталось и следа. Судя по старым планам базилики № 36, названная церквушка или поминальная капелла была пристроена к внешней стороне большого храма, следовательно, это было сделано до того, как он был не ранее X - XI вв. переделан в меньший храм, занявший пространство центрального нефа [Якобсон 1959, 168, рис.72]. В случае более поздней постройки молельни ее было бы целесообразно разместить на части внутреннего пространства южного нефа бывшей большой базилики, как это было сделано, к примеру, в Северной базилике (№ 22), а не строить, по сути дела, поодаль от прежнего перестроенного храма, да еще заботиться об облицовке плитами.

В Северной базилике, отождествляемой мной с известным из агиографии IX в. херсонским храмом св. Прокопия, *opus spicatum* действительно можно было наблюдать в стенах молельни, устроенной в восточной оконечности южной галереи большого храма, очевидно, во второй, после конца VI - VII вв., строительный период, но перед третьим, относимым ко второй половине XI - началу XII вв. [Айналов 1905, 29; Якобсон 1959, 168, рис.75; Рыжов 1983, 314 - 315; Романчук 2000, 225]. Около юго-восточного угла ранней "базилики в базилике" (№ 15), существовавшей с VI до X - XI в., пока она не была переделана в меньший храм, тоже находился храмик - усыпальница, стены и апсиды которого были сложены из бута, иногда "в елку", особенно свод, возведенный над нижним помещением²⁵. *Opus spicatum* встречается в кладке еще одной гробничной сводчатой часовни, находившейся перед базиликой № 15, "на восток от апсиды" [Айналов 1905, 81]. "В елку" был сложен один ряд (второй сверху) в апсиде церкви, выстроенной на месте раннесредневековой базилики [Белов 1932, 6, рис.127, 130].

Раскопки некоторых других городских квартальных храмиков - усыпальниц тоже свидетельствуют о том, что эта техника кладки продолжала использоваться в поздне-византийском Херсоне [Белов 1941, 240 - 241, рис.41, 66]. В ней обновили северный участок ограды (перивола) крестовидного "храма с ковчегом" (свв. Сергия и Вахха)²⁶.

²⁵ Интересно, что этот гробничный евктирион, как и примыкающий базиликальный храм № 15, очевидно, после перестройки в X - XI вв., вместил в себя другую, более раннюю, меньшую постройку, тоже евктирион, так что новая полукруглая апсида включила в себя другую, меньшую [Айналов 1905, 90; подр. см.: Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, 634 - 637; Романчук 2000, 224 - 225, 241 (там же библиография)].

²⁶ О.И. Домбровский заметил при этом, что подобная техника, "...по мнению многих, характеризует работу каменщиков XII - XIII столетия" [Домбровский 1957, 11]. Подробнее о храме № 19 см.: Сорочан 2003, 58 - 72.

Ее можно было видеть в средневековых домах, раскопанных Н.В. Пяташевой в 1980 г. на месте огромного архитектурного комплекса с городским водохранилищем. Эта кладка, хотя и не в классическом варианте, как показывают раскопки последних лет, проводимые совместно НЗХТ и Техасским университетом, присутствует в некоторых стенах усадеб XII - XIII вв. к северу от названного участка, рядом с главной продольной улицей Херсона. Она же была характерна для многих более мелких и бедных жилых построек, которые лепились к оборонительной стене города, на застроенном помериуме в портовом квартале 1 и были открыты во время раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича. По этому поводу А.Л. Бертье - Делагард отметил, что *opus spicatum* был "способ ... весьма древний и удержался в Херсонесе до самых последних времен [см.: Бертье-Делагард 1893, 21 (со ссылкой на: Choisy. L'art de bâtir chez les byzantins Paris, 1882. P.8); ср.: Иванов 1912, 227 - 228]. Приписывать его северо-кавказским переселенцам, появившимся в Крыму в середине X в., неверно, учитывая генетическую связь приема уже со скифской "елочкой" и образцы такой кладки позднеантичного - ранневизантийского времени [ср.: Майко 1998 а, 11]. Показательно, что даже там где в керамике выявляются салтово-маяцкие элементы, как, например, на поселении на западном склоне высоты Безымянной (рудничный комплекс "Гасфорт"), в округе Херсона, остатки построек несут следы двухлицевой кладки из бута на глине, но совсем не обязательно обнаруживают применение *opus spicatum* [Савеля 1980 - 1981, 6 - 20].

Нельзя считать исключительно "тюркским", "праболгарским" или "хазарским" то что было создано автохтонами, греками, ромеями, потомками скифо-сармат и частично пришлыми аланами, готами, тюркютами, салтовцами, прочими чужеземцами, для которых земля Таврики стала родной. Тем более, понятие хазарский этнос и культура весьма аморфно и по сути дела не существовало [Федоров 1966, 149-151; Круглов 1992, 32-37; Круглов 2002, 61 - 66]. Отнюдь не кочевнический хозяйственный уклад, основные занятия этих крымских "тюрко-болгар" в VIII - IX вв. ничем не отличались от византийских: полеводство, виноградарство и виноделие, скотоводство с преобладанием разведения коров, свиней, овец, переработка зерна на ручных мельницах, использование инструментов, серпов, тяжелых мотыг, подобных ромейским, для обработки почвы, наличие прядения, ткачества, кузниц, обработки цветных металлов, производство лепной и гончарной кухонной керамики параллельно с созданием крупных керамических мастерских с печами для обжига амфор, кувшинов, ойнохой, фляг [ср.: Баранов 1986, 246 - 247; Айбабин 1999 а, 204 - 205; Крым 2003, 58, 63]. И строительные сооружения их имели свой неповторимый, местный облик, лишь отдаленно напоминали те, о которых писал Мукаддеси, вспоминая быт хазар: "Жилища семендерцев из дерева, переплетенного камышом" [Караулов 1908, 5]. Как неоднократно отмечалось специалистами, обитатели сельской Таврики предпочитали жить в усадьбах с жилым помещением и каменной печью, с отдельными хозяйственными пристройками и огороженным стенами двором вполне "ромейского" облика [Гадло 1971, 74; Баранов 1990, 50 - 51]. Не было здесь и юртообразных конструкций.

Постоянные усилия, миссионерская деятельность местного духовенства вкупе с привлекательностью византийского образа жизни содействовали обращению местного и пришлого населения на территории Крыма, которое рано или поздно принимало крещение, но долго хранило устоявшиеся пережитки языческой культуры и мен-

тальности [Сорочан 2001 а, 334]. Видимо, в этом кроется объяснение поразительно-го феномена веротерпимости, столетия обнаруживаемого гетерогенным населением Крыма, долго жившего в условиях византийско-хазарского кондоминиума и поэтому вынужденных толерантно воспринимать соседство язычников и христиан. Тем не менее, отсутствие трупосожжений, смена погребального обряда к IX в., исчезновение катакомбных могильников и постепенный, со второй половины VI в., а позднее — массовый переход к плитовым или накрытым плитами могилам на сельских, монастырских и церковных кладбищах могут свидетельствовать об окончательной победе христианства, а значит, ромейского образа жизни и культуры на полуострове, что опять-таки не случайно совпало с временем развала кондоминиума.

В свое время А.В. Гадло справедливо заметил по этому поводу: "Распространять степную культуру на юго-западное нагорье [Таврики] мы не вправе — данных для этого нет. Отдельные элементы степной культуры ..., разумеется, проникали в нагорье. Туда попадали формы салтовской керамики (гончарные рифленые горшки, лощенные сосуды) ...; туда проникали приемы строительства (кладка в "елку"), заимствованные на развитых поселениях степного района; там могли появляться и группы степняков, так как шедший на границах степи и предгорья процесс оседания мог загнать в горную область отдельные роды и семьи. Но в целом культура Юго-Западной Таврики была особой, автохтонной, восходящей к культуре предшествующего времени" [Гадло 1973, 275]. Уже поэтому ее континуитетные заимствования, в том числе и в строительном деле, нельзя назвать "чисто внешними" [ср.: Баранов 1986, 247].

Отличительной особенностью крымского прабалгарского варианта салтово-маяцкой культуры признается наличие в ней византийских элементов [Баранов, Майко 2000, 87]. Однако нетрудно заметить, что на деле сама "культура" тонет, растворяется в этих несомненно господствующих "элементах", — растворяется подчас до состояния второстепенной, незначительной примеси. Ее нельзя назвать ни греческой, ни готской, ни аланской, ни прабалгарской [Якобсон 1970, 194]. Все это в принципе, по сути однокультурные памятники с явным преобладанием ромеизации, но без конкретного этнического содержания. Новейшие исследования по истории этногенетических процессов позднеантичного и раннесредневекового Крыма не вступают в противоречие с этим давним выводом, который не нуждается в ревизии и подкрепляет высказанную выше точку зрения²⁷.

²⁷ Многовековой вссимиляционный и одновременно трансформационный процесс "этноконфессиональной интеграции", вылившийся в формирование относительно единой, межэтнично консолидированной средневековой народности в Юго-Зпадном и Южном Крыму, — народности, переработавшей в себе скифо-свматский, греческий, германский и тюркский компоненты, завершился в X в., причем их объединяющим моментом, кроме влияния единого ландшафта, общей территории и общей исторической судьбы, явились грецизация, христианская религия и ромейская культура. Антропологические данные позволяют выявить не менее трех исходных морфологических типов, участвовавших в этом процессе формирования народности, и многочисленные следы метисации [см.: Айбабин 1993, 130; Айбабин 1999 а, 229; Иванов 2001, 96 - 97; Ушаков 2001, 12; Крым 2003, 80]. Впрочем, как верно отметил А.Г. Герцен, появление данной однокультурной, весьма аморфной народности крымских христиан не было замечено и оценено византийцами: "До конца своей державы они продолжали видеть в составе этой народности именно исходные компоненты, то есть готов, влвн, или же пользоваться для ее обозначения явно архаичными этнонимами: "киммерийцы", "тавры", "ски-

Итак, встречающиеся случаи использования техники кладки opus spicatum не могут служить культурообразующим признаком, однозначно указывающим на присутствие только тюрко-болгарского, салтово - маяцкого, хазарского населения и особенность его строительства. Этот прием в Причерноморье знали и эпизодически использовали едва ли не со скифских времен разные народы. Другое дело, что с VIII в. он получил новый импульс к своему распространению, став особенно популярным у нового, пришедшего населения, появившегося на Таманском полуострове и в Крыму и довольно быстро натурализовавшегося здесь. Но работали в этой технике как тюркские, болгарские элементы, так и ромейские, византизированные обитатели региона, потомки крымских греков, тавров, скифо-сармат и алано-готов. Нет opus spicatum ни в лесостепях Оскола, Северского Донца, ни в междуречье Волги и Дона – коренных хазарских землях. Перед нами строительная "мода" продолжительного времени и конкретного региона, а не одной особой культуры и уж тем более одного из конкретных этносов.

Литература

Адаксина С.Б. Аю-Даг - крымский Афон // Византия в контексте мировой истории. - СПб., 2004

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Археологические исследования храмов монастыря св. Апостолов Петра и Павла в Партените на Южном берегу Крыма // Отчетная археологическая сессия Гос. Эрмитажа. СПб., 1999

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Работы Южно-Крымской археологической экспедиции // Отчетная археологическая сессия Гос. Эрмитажа. СПб., 2001

Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. 1977. №1

Айбабин А.И. Могильники VIII - начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып.3

Айбабин А. Крым под властью хазарского каганата // Византия и Крым. Тезисы докл. международ. конф. Симферополь, 1997

Айбабин А.И. Новые данные о начале хазарского господства в Крыму // Скифы Хазары Славяне Древняя Русь. Международный. конф. памяти М.И. Артамонова. Тезисы докл. СПб., 1998

Айбабин А.И. Проблемы этнической истории средневекового Крыма // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999

Айбабин А.И. Археологическая культура хазар в Северном Причерноморье // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002

фы", избегая называть население Таврики греками, причиной чего, вероятно, было пограничное положение этой территории, населенной медленно христианизировавшимися осколками варварских этносов, образовавших сплав, вобравший в себя как элементы античной эллинистической, так и принявший покроа новой средневековой христианской греко-византийской культуры" [Герцен 2000, 19 - 20; ср.: Араджиони 2004, 138 - 141].

- Айналов Д.В.* Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905.
- Вып. 1
- Араджиони М.А.* Крымские греки // От киммерийцев до крымчаков. Народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. Симферополь, 2004
- Артамонов М.А.* История хазар. М., 1962
- Атавин А.Г.* Влияние природных факторов на жизнь поселений Таманского полуострова (на примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. М., 1987
- Атавин А.Г.* Лощеная керамика средневековой Фанагории // БС. 1992. Вып. 1
- Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII - X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. М., 1987. Вып. 2
- Ачкинази И.В., Петровский В.А.* Работы Баклинской экспедиции // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997
- Бабенчиков В.П.* Итоги исследования средневекового поселения на холме Теплень // Археология и история средневекового Крыма. Киев, 1958
- Баранов В.И.* К вопросу о тамгообразных знаках салтово-маяцкой культуры (по материалам могильника Судак - VI) // Сугдея, Сурож, Солдая в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002
- Баранов В.И.* Амфоры Тау-Кипчака // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международ. науч. конф. Киев; Судак, 2004
- Баранов И.А.* Салтово-маяцкое поселение Тау-Кипчак в Крыму // АО 1970 г. М., 1971
- Баранов І.А.* Розкопки салтово-маяцького поселення на р. Зуї в Криму // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972. Вип. 4
- Баранов И.А.* Ранний болгары в Крыму (локальный вариант салтово-маяцкой культуры): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / ИА АН УССР. Киев, 1977
- Баранов И.А.* Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиса - Преслав. София, 1981. Т. 2
- Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3
- Баранов И.* Грунтовые могильники второй половины VII - X вв. в Крыму // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990
- Баранов И.А.* Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1991. Т. 2
- Баранов И.А.* Таврика в составе хазарского каганата: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук / ИА НАНУ. Киев, 1994
- Баранов И.А., Майко В.В.* Комплексът салтовски съоръжения в Судакската крепост // БСП. В. Търново, 1996. Т. 5.
- Баранов И.А., Майко В.В., Джанов А.В.* Раскопки в средневековой Сугдее // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997
- Баранов И.А., Майко В.В.* Раскопки в портовом районе Судакской крепости // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997 а
- Баранов И., Майко В.* Праболгарские горизонты Судакского городища середины

VIII - первой половины X в. // БСП. В. Търново, 2000. Т.7

Баранов И.А., Степанова Е.В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т.1. №1

Бармина Н.И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // АДСВ. Симферополь, 1995. Вып.27

Барсамов Н.С. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле 1929 - 1931 гг. Феодосия, 1932

Башкиров А.С. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949-1951 гг. // Уч. зап. Ярославского пед. ин-та. 1957. Вып.22 (32)

Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 г. М., 1984

Белов Г.Д. Отчет о раскопках Херсонеса в 1932 г. // Архив НЗХТ. Д. № 324

Белов Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931 - 1933 гг. // МИА. 1941. №4

Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993

Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек №3, 4, 7 // БИАС. Симферополь, 2001. Вып.2

Белый А.В., Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму. Симферополь, 1992

Беневоленская Ю.Д. Антропологические материалы из средневековых могильников юго-западного Крыма // МИА. 1970. Вып.168

Бертьев-Делагард А.Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. СПб, 1893. № 12

Блаватский В. Раскопки в Фанагории в 1940 г. // ВДИ. 1941. №1

Блаватский В.Д. Строительное дело Пантикалея по данным раскопок 1945 - 1949 и 1952 - 1953 гг. // МИА. 1957. №56

Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Пантикалея в 1945 - 1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. 1962. №103

Болгов Н.Н. Проблемы истории, историографии, палеографии Северного Причерноморья IV - VI вв. Белгород, 2002

Булгакова В.И. Печати стратигов Херсона из находок в Сугдее // Сугдея, Сурож. Солдая в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002

Вачева К. За терминологията на строителните техники през античността // Археология. София, 1979. Год. 21. Кн.1

Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР Київ, 1963. Т.13

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993

Винникова А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Ворднеж, 1998

Виноградов А.Ю., Джанов А.В. Греческие надписи Сугдеи // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004

Винокуров Н.И. Феномен человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы междуна-

род. науч. конф. СПб., 2002. Ч.1

Вус О. Приморські фортеці Візантійської імперії у Південному Криму // Львівський нац. ун-т ім. І. Франка. Наукові зошити історичного факультету. 2003. Вип.5 - 6

Гадло А.В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье // Вестник Ленинград. гос. ун-та. 1968. Т.14. Вып.3

Гадло А.В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива // КСИА АН СССР. 1968 а. Вып.113

Гадло А.В. Этнокультурная характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII - X вв.) // Этнография народов СССР. Л., 1971

Гадло А.В. [Рец.] // ВВ. 1973. Т.37 (Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. - 1970. - №168)

Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII - X вв. // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980

Гайдукевич В.Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. 1940. Т.6

Гайдукевич В.Ф. Боспорский город Илурат // СА. 1950. Т.13

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. 1952. № 25

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935-1938 гг. // МИА. 1952 а. № 25

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // КСИИМК. 1958. № 85

Гайдукевич В.Ф. Илурат // МИА. 1958 а. № 85

Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. СПб., 1870

Гворгиев П. Фанагурис - Томитуракан и "Велика България" // Россия - Крым - Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004

Герцен А.Г. Эпоха средневековья // Греки в истории Крыма. Симферополь, 2000

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997

Голенко В.К., Джанов А.В. Раннесредневековое поселение на южной склоне горы Олук // Сугдея, Сурож, Солдаёя в истории и культуру Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002

Гурулева В.В. Золотые монеты Константина V (741 - 775), найденные в Судак // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004

Даньшин Д.И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. №1

Джанов А.В. Сугдея в III - VII вв. // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004

Джанов А.В., Майко В.В. Византия и кочевники в Юго-Восточной Таврике XI - XII вв. // X. сб. 1998. Вып.9

Долгоруков В.С. Исследования береговой части Фанагории в 1971 - 1972 гг. // КСИА АН СССР. 1975. № 143

Домбровский О.И. Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе за 1957 год // Архив НЗХТ. № 3241

Емец И.А. Посвящение св. Феодору из Тиритаки // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002

Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. СПб., 1912. Т.2. Вып.2

Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности. М., 1980

Зеленко С.М. Торговельне судноплавство середньовічної Таврики (VI - XII ст.): Дис.

... канд. іст. наук / Київський нац. ун-т. – К., 2004 (рукопис)

Зинько В. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Византия и Крым. Международ. конф. Тезисы докл. Симферополь, 1997

Зинько В., Пономарев Л. Керамика салтово-маяцкого типа с раннесредневековыми памятниками в окрестностях Нимфея // Византия и Крым. Международ. конф. Тезисы докл. Симферополь, 1997

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. Симферополь, 2001. Вып. 1

Зинько Е.А. Раннехристианский Боспор (III - VI вв.): Дисс. ... канд. іст. наук / Институт востоковедения НАНУ. Симферополь, 2003 (рукопись)

Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1975 году // Архив НЗХТ. Д. № 1763

Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал Северо-Восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989 - 1990 гг.) / Х. сб. 1997 Вып. 8

Зубарь В.М. Об основных тенденциях процесса христианизации населения Юго-Западного Крыма // Х. сб. 1999. Вып. 10

Иванов Е.Э. Херсонес Таврический: Историко-археологический очерк / ИТУАК Симферополь, 1912. № 46

Иванов А.В. Образование ранних городских поселений и этнические процессы в Юго-Западной и Южной Таврике X - XIII вв. // Проблеми історії та археології України. Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 10-річчю незалежності України (16 - 18 травня 2001 р.). Харків, 2001

Иванов С.А. Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары. Второй международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002

Иващенко Ю.Ф. К специфике религиозных представлений населения Боспора в ранневизантийское время // Проблемы исследования античных городов. Тезисы докладов. М., 1989

Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX - X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1908. Вып. 38

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932

Колонтович Н. О раскопках Д.И. Струкова в Партените // Таврические епархиальные ведомости. 1871. № 23

Комар А.В. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004

Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2001

Коровина А.К. Гермонасса в раннесредневековый период // Таманская старина СПб., 2001 Вып. 1

Корпусова В.М. Об одной особенности христианского погребального обряда средневекового населения Восточного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002

Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма // СА. 1958. Т. 28

Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966

Круглов Е.В. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности //

- вопросы этнической истории Волго-Донья. Материалы науч. конф. Пенза, 1992
- Кружлов Е.В. Хазары – история только начинается // Хазары. Второй Международный конгресс. Тезисы. М., 2002
- Крушклов Ю.С. Раскопки древнего Патрея в 1949 г. // ВДИ. 1950. №2
- Крыжицкий С.Д. О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья // Античная археология / КСИА АН СССР. 1981. Вып. 168
- Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993
- Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV - XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003
- Кубланов М.М. Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА АН СССР. 1979 №159
- Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992
- Кулаковский Ю.А. [Рец.] // ЖМНП. 1898. Апрель (Shyerer. Die Juden in Bosporanischen Reiche und die Genossenschaften der dasebst. – Berlin, 1897)
- Кутайсов С.В. Салтовские памятники Северо-Западного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002
- Кутайсов С.В. Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-Западного Крыма // X. сб. 2003. Вып. 12
- Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Труды славянской комиссии. Л., 1930. Т.2
- Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг / Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002
- Люценко Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в надписях Фанагорийского городища. СПб., 1880
- Люценко А.Е. Древние еврейские надгробия, открытые в насыпях Фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге в 1876 г. СПб., 1880 а
- Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т.1 // МИА. 1958. № 62
- Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983
- Майко В.В. Комплексът прабългарски паметници от VII - X вв. край с. Морское в юго-източен Крим // БСП. В. Търново, 1996. Т.5
- Майко В.В. Проблемы этнокультурных связей Крыма с Поднепровьем во второй половине VII в. // "Проблемы археологии Юго-Восточной Европы". VII Донская археологическая конференция. Тезисы докл. Ростов-на-Дону, 1998
- Майко В.В. Етнокультурні зв'язки Криму з Подніпров'ям і Північним Кавказом в VII - X ст.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Інститут археології НАН України. Київ, 1998 а
- Майко В.В. К вопросу о неоднородности салтово-маяцкого населения Таврики второй половины VII в. // Старожитности Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2000. Вип 8
- Майко В. Керамический комплекс VIII - X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // БСП. В. Търново, 2000 а. Т.7
- Майко В.В. О месторасположении православной Фульської епархии // Проблемы

- истории и археологии Украины. Материалы междунаро. науч. конф. Харьков, 2001
- Майко В.В.* Археологические аспекты религиозного синкретизма Крымской Хазарии VIII - первой половины X вв. // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001 а
- Майко В.В.* Керамічний комплекс однієї групи праболгарських пам'яток Таврики другої половини VII ст. н.е // Українська керамікологія. Книга 1. Опішне, 2001 б
- Майко В.В.* Плитовые погребения салтово-маяцкого могильника Таврики Кордон-Оба (К вопросу о христианизации тюрко-болгар Крыма) // Проблемы религии стран черноморско-средиземноморского региона. Сб. науч. тр. Севастополь; Краков, 2001 в
- Майко В.В.* Плитовые погребения салтово-маяцкого могильника Таврики Кордон-Оба (К вопросу о христианизации тюрко-болгар Крыма) // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. Севастополь, 2001 г
- Майко В.В.* Археологические исследования на плато Тепсень в 2001 г. // Археологічні відкриття в Україні 2000 - 2001 рр. Киев, 2002
- Майко В.В.* О локализации Фулл и Фулльской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. Киев, 2002 а
- Майко В.В.* Плитовые христианские некрополи тюрко-болгарского памятника на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму // Восток - Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2002 б
- Майко В.В.* Ранньохристиянська знахідка на салтово-маяцькому поселенні Тепсень у Південно-Східному Криму // Археологія. 2002 в. №1
- Майко В.В.* Некоторые аспекты христианизации тюрков Таврики в эпоху средневековья // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002 г
- Майко В.* Храмовый комплекс городища на плато Тепсень VIII - первой половины X вв. (вопросы хронологии и периодизации) // Софійські читання. Киев, 2003
- Майко В.В.* К вопросу о локализации некрополей Тепсеньского городища // Восток - Запад: межконфессиональный диалог. Севастополь, 2003 а
- Майко В.В.* Сугдея во второй половине X - начале XI вв. // Сугдейский сборник Киев; Судак, 2004
- Майко В.В., Фарбей О.М.* Християнізація тюрко-болгар Криму в світі археологічних джерел // Археологія. 1995. №4
- Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви. Кн.1. М., 1994
- Макарова Т.И.* Средневековый Корчев // КСИА АН СССР. 1965. Вып.104
- Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи / МАИЭТ. 1998. Вып.6
- Марти Ю.Ю.* Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки // МИА. 1941. №4
- Масленников А.А.* Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992
- Мовсэс Калакантуаци.* История страны Алуанк / Пер. с древнеарм. Ш.Б. Смбацяна. Ереван, 1984
- Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997
- Могаричев Ю.М.* Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. Симферополь, 2000
- Могаричев Ю.М.* К вопросу о "хазарском наследстве" (хазарские иудеи и проблема

- происхождения караимов и крымчаков) // ПИФК М.; Магнитогорск, 2001. Вып. 10
- Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины - второй половины VIII в. // X. сб. 2004. Вып. 13
- Моця А.П. Население Хазарского каганата в Юго-Восточном Крыму // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004
- Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. Симферополь, 2001. Вып.2
- Николаева Э.Я. Поселение у д. Ильич // КСИА АН СССР. 1981. Вып. 168
- Новосальцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990
- Отчет о раскопках за 1894 г. (юго-западный и юго-восточный угол городища) // Архив НЗХТ. Д. № 4
- Паромов Я.М. Археолого-топографический план Патрея //БС. 1993. Вып.3
- Паршина Е.А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. Киев, 1991
- Петрова Э.Б. Античная Феодосия. История и культура. Симферополь, 2000
- Петровский В.А., Труфанов А.А. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы (по материалам раскопок 1993-1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, (1995) 1996
- Пиоро I.C. [Рец.] // Археология. 2003. №1 (Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. – Lublin: Wzd-wo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2001. – 290 с.)
- Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142
- Плетнева С.А. Хазары. М., 1976
- Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска - Преслав. София, 1981. №2
- Плетнева С.А. Хазары. 2-е изд., доп. М., 1986
- Плетнева С.А. Отношение восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники // СА. 1991. № 3
- Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999
- Плетнева С.А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т.1
- Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV - XIII века): Учеб. пособие. Воронеж, 2003
- Пономарев Л.Ю. О некоторых погребальных обрядах населения Керченского полуострова в VIII - IX вв. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001
- Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова // БИ Симферополь, 2002. Вып.2
- Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. Симферополь, 2003. Вып.3
- Пономарев Л.Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. Симферополь; Керчь, 2004. Вып.5
- Пономарев Л.Ю. Глиняные "лепешки" с солярно-небесной символикой с салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Символ в философии и религии. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2004 а

- Попова Е.А. О Северо-Причерноморском домостроительстве I в. до н.э. - I в. н.э. // Историческая археология. М., 1998
- Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950
- Пятышева Н.А. Отчет о раскопках ГИМ в Фанагории в 1939 г. // Труды ГИМ. 1965. Вып. 37
- Пятышева Н.В. Печать готского епископа в коллекциях Государственного Исторического музея // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963
- Репников Н.И. Партенитская базилика // ИАК. 1909. Вып. 32
- Романчук А.И. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // АДСВ Свердловск, 1976. Вып. 13
- Романчук А.И. Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции // АДСВ Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980
- Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000
- Романчук А.И., Омелькова Л.А. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек // АДСВ: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979
- Рудаков В.Е. Исследование Баклинского городища в 1971 - 1972 гг. // АДСВ. Свердловск, 1975. Вып. 11
- Рудаков В.Е. Отчет о разведках экспедиции Уральского госуниверситета в между-речье Альмы и Бодрака в 1977 году // Архив НЗХТ. Д. № 1914
- Рудаков В.Е. Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища // АДСВ: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979
- Рыжов С.Г. Доследовния "Северной базилики" в Херсонесе // АО 1981 г. М., 1983
- Савеля О.Я. Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новострочной археологической экспедиции Херсонесского госзаповедника в зонах новостроек г. Севастополя в 1980 и 1981 гг. // Архив НЗХТ. Д. № 2252
- Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4
- Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. М.; Магнитогорск 1998. Вып. 5
- Сазанов А.В. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. М., 1999. Вып. 4
- Сазанов А.В. Погребения в христианских храмах Херсонеса XI - XIV вв. // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. Севастополь, 2001
- Сазанов А.В. К исторической интерпретации комплексов Тиритаки VI - VII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международ. науч. конф. Киев; Судак, 2004. Ч. 2
- Сазанов А.В., Мозгаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII - начале VIII вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. 12
- Сазанов А.В., Мозгаричев Ю.М. Крым и Хазарский каганат в первой половине - середине VIII в. // Россия - Крым - Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004
- Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / ИА РАН. М., 1997
- Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990
- Соколова И.В. Византийские печати VI - первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ 1991. Т. 52

- Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым (АДСВ. Вып.26). Барнаул, 1992
- Соколовский Н.И. Раскопки в Келах в 1962 г. // КСИА АН СССР. 1965. Вып.103
- Сорокина Н.П. Средневековые погребения из некрополя города Келы на Таманском полуострове // Экспедиции ГИМ. М., 1969
- Сорочан С.Б. Ранняя Византия: світло для живих і мертвих // Схід - Захід: Історико-культурологічний збірник. Харків, 1999. Вып.2
- Сорочан С.Б. Византия IV - IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. Харьков, 2001
- Сорочан С.Б. О положении Церкви в Крыму в VIII - IX вв. // БИАС. Симферополь, 2001. Вып.2
- Сорочан С.Б. Византия и хазары в Таврике: господство или condominium? // ПИФК. М. Магнитогорск, 2002. Вып.12
- Сорочан С.Б. "Зачарованный клад". Еще раз о локализации Фул (Фулл) // АДСВ. Екатеринбург, 2002 а. Вып.33
- Сорочан С.Б. О датировке и интерпретации храмового архитектурного комплекса на месте античного театра Херсонеса // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2003. №594. Історія. Вып.35
- Сорочан С.Б. Сугдея в "темные века" // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес - Херсон - Корсунь. Киев, 2003
- Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып.32
- Степанова Е.В. Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002
- Стелы Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М., 1981
- Сударов Н.И. Погребения в районе поселения Гаркуша - I (Патрей) // БС. 1994. Вып.4
- Тахтай А.К. Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 году // Х. сб. 1948. Вып.4
- Уваров А.С. Христианская символика. Ч.1. Символика древне-христианского периода. М., 1908
- Ушаков С.В. Етнічна ситуація в Південно-Західному Криму на межі античності та середньовіччя (III - середина VI ст. н.е.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Інститут археології НАНУ. Київ., 2001
- Федоров Г.С. Некоторые вопросы осмысления хазарского этноса и хазарской культуры в Дагестане // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX "Крупновские чтения") / Тезисы докл. М., 1966
- Флеров В.С. О хронологии салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983
- Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996
- Флеров В.С. Лощеные миски, блюда, чаши и кубышки хазарского каганата // БИ. Симферополь, 2001. Вып.1

- Флеров В.С. Крепости Хазарии в долине Нижнего Дона (этюды к теме фортификации) // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т.1
- Фронджуло М.А. Розкопки жилих комплексів на середньовічному поселенні поблизу с. Планерське // Археологія. 1961. Т.12
- Фронджуло М.А. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерского 1957 - 1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968
- Фронджуло М.А. Раскопки в Судаке // Феодальная Таврика. Киев, 1974
- Фрумкина М. К вопросу о сейсмозащите древних сооружений // РА. 1992. №3
- Ханутина З.В., Хршановский В.А. Ритуальные сооружения на некрополе Илурата // БИ. Симферополь, 2003. Вып.3
- Хршановский В.А. Позднеантичные погребения на некрополе Илурата // Научно-атеистические исследования в музеях. Сб. науч. тр. Л., 1988
- Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836 - 889 г. // МАИЭТ. 1998. Вып.6
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора. М., 1980
- Шавырина Т.Г. Западный некрополь Фанатории (раскопки 1991 - 1999 гг. Общий обзор) // Древности Боспора. 2000. Вып.3
- Юрочкин В.Ю. Постройка раннехазарского горизонта города Боспора // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV - IX вв.) Секция охраны памятников археологии. Симферополь, 1994
- Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Боспорские города. Ч.2. МИА. 1958. №85
- Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63
- Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1984
- Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168
- Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973
- Якобсон А.Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. - Свердловск, 1973 г. - Вып.10
- Яценко И.В. Новые сведения о планировке скифского поселения у санатория Чайка в Евпатории // АО 1973 г. М., 1974
- Яшаева Т.Ю. Средневековое поселение ближней округи Херсонеса на Гераклейском полуострове // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV - IX вв.). Международ. конф. Тезисы докл. Симферополь, 1994
- Яшаева Т.Ю. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове // Х. сб. 1999. Вып.10
- Яшаева Т.Ю., Созник В.В. Отчет о раскопках Гераклейской экспедиции Херсонесского Гос. историко-археологического заповедника. Ч.3. 1983 // Архив НЗХТ. Д. №2319
- Epistola Anastasii apostolicae sedis bibliothecarii ad Gaudericum episcopum* // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып.2
- Gregoire H. Le nom de la ville Tmutarakan // Nouvelle Clio. 1952. Т.4
- Murus. Teichos // Daremberg M. Ch., Saglio Edm., Pottier Edm. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Paris, 1904. Т.3 (L - M)

Nicephoros patriarch of Constantinople Short History. Text, transl. and comment. by C. Mango. Washington, 1990
Le synaxaire armenien de Ter Israel // *Patrologiae Orientalis*. Paris, 1930 Vol.21
Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge (Massachusetts), 1936

РЕЗЮМЕ

С.Б. Сорочан

В статье рассматривается использование в раннесредневековом Крыму специфического строительного приема, который получил у специалистов условное название техники каменной кладки "в елку". Его принято связывать с появлением здесь тюркского, раннего болгарского населения, носителей салтово-маяцкой культуры. Такое представление утвердилось среди некоторых хазароведов, видящих в крымских и приазовских землях один из локальных вариантов салтово-маяцкой культуры. Техника кладки "в елку" выступает при этом в качестве одного из главных индикаторов. Последнее обстоятельство вызывает сомнения. Данный строительный прием не может быть изобретением болгарского или хазарского этноса, поскольку появился не в VII - VIII вв., а гораздо раньше. В греко-римском обществе он был известен под названием *opus spicatum*. Анализ эпизодических случаев обнаружения этой кладки в постройках различных городов, поселений раннесредневекового Крыма не обязательно указывает на связь данного строительного приема с тюркской культурой или этносом. Он существовал среди местного и пришлого населения в разные эпохи, очень долгое время и может рассматриваться как своеобразная местная строительная традиция, которая использовалась от случая к случаю, стала особенно популярной в эпоху "темных веков" и не исчезла впоследствии.

SUMMARY

S.B. Sorochan

In the article is considered use of specific building reception in early middle Crimea, which has received at the experts the conditional name of engineering "fir" masonry. It is accepted for connecting to occurrence here turkic, early bulgarian population, carriers of saltovo-mayak culture. Such submission was ratified among some researchers, which study of Chazars. They see in Crimea one of the local variants saltovo-mayak culture. The engineering "fir" masonry acts for want of it as one of main indicators. It causes doubt. The indicated building reception cannot be the invention bulgarian or chazarian ethnic, as has appeared not in VII - VIII centuries, but much earlier. In ancient greek and roman society it was known under the name *opus spicatum*. The analysis of cases of detection is not necessary this masonry in buildings of various cities, settlements of early middle Crimea specifies connection of a considered building reception with turkic culture or ethnic. It existed among the local and alien population in different epoch, very long time and can be considered as original local building tradition, which was used from a case to a case, has become especially popular in epoch of "dark ages" and has not disappeared subsequently.

